

Юрий Луцкий

72
Госа
афоризмы

август 1991 г.
Начало и конец
коммунистического цикла
в России

Указ вице-президента СССР

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнять обязанности Михаилом Сергеевичем своим заместителем Вице-президента СССР на основании статьи 123¹ Конституции СССР

ступил в исполнение обязанности Вице-президента СССР с 19 августа 1991 года.

Вице-президент СССР

Г. И. ЯНАЕВ,

18 августа 1991 года.

ВДА

ведомства

О. Д. — первый заместитель председателя Совета обороны СССР. Кринцов В. А. — председатель КГБ СССР. Павлов П. С. — Премьер-Министр СССР. Пугач В. К. — министр внутренних дел СССР. Стародубцев В. А. — председатель Крестьянского союза СССР. Тизяков А. И. — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР. Язов Д. Т. — министр

обороны СССР. Янаев Г. И. — и. о. Президента СССР.

4. Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для всех органов власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза СССР.

Г. ЯНАЕВ,

В. ПАВЛОВ,

О. БАКЛАНОВ.

18 августа 1991 года.

не народу

Мы выступили за истинно демократичные процессы, за по-настоящему новую реформу ведущих и объективно нашей Родины, за ее экономиче-скую и социальную процветание, которое позволит ей занять достойное место в мировом сообществе наций.

«Кризисные страны не должны теряться на падении жизненного уровня населения. В здоровом обществе станет нормой возмещение потерянных благосостояния всем гражданам»

«На ослабевшей заложили об укрепление и защите прав личности, мы сосредоточили внимание на защите интересов самых широких слоев населения тех, по кому больше всего ударили инфляция, девальвация рубля, производство и корупция и преступность»

«Россия — монокультурный экспорт товаров, сырья, а также, мы должны поддерживать и частное предпринимательство, развивать ему, многообразие собственности, для развития промышленности»

суверенитет, независимость и территориальную целостность. Всекие политики говорить с нашей страной, являясь демократами от кого бы они ни исходили. Будут результаты, прелестные»

«Наш многонациональный народ веками жил исполненной гордостью за свою Родину, мы не стали этим своим Родину, естественным и законным растить мы нынче и грядущее поколение граждан нашей великой державы в этом духе»

«Бездействовать в этот критический для судьбы Отчизны час — значит взять на себе тяжкую ответственность за трагические, долгие непрекращающиеся последствия. Каждый кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не хочет предать Родину, кто не желает видеть в будущем независимым и процветающим должен сделать единственно правильный выбор. Мы знаем как истинных патриотов людей. Да, в этом смысле, мы не отличаемся от других народов»

Постановление № 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР

В целях защиты жизненно важных интересов народов и граждан Союза СССР, независимости и территориальной целостности страны, восстановления законности и правопорядка, стабилизации обстановки, преодоления настоящего кризиса, недопущения хаоса, анархии и братоубийственной гражданской войны Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Всем органам власти и управления Союза СССР, союзных и автономных республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел обеспечить безусловное соблюдение режима чрезвычайного положения в соответствии с Законом Союза СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлениями ГКЧП СССР в случаях необходимости обеспечить выполнение этого режима должностными сотрудниками органов власти и управления, прилагая наивысшие меры осуществления их функций с участием на лиц, специально уполномоченных ГКЧП СССР.

2. Незамедлительно реформировать структуру власти и управления, возмещая любые формализованные действующие в порядке Конституции СССР и законов СССР.

3. Считать впереди недействительными законы и решения органов власти и управления, провозглашенные Конституции СССР и законами СССР.

4. Приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений существующих нормализации обстановки.

5. В связи с тем, что Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР временно берет на себя функции Совета Министров СССР, деятельность которого приостановлена.

6. Гражданин, учрежденный и организованный, независимо от должности незаконно наводившийся у себя в виде чрезвычайного положения, при этом же замечены действия, влекущие за собой применение к гражданам и организациям наказания в соответствии с действующим законодательством СССР.

постановлены, объявлены, произведена, поставил, судья, материал, и компетентных, издание.

Установить и поддерживать режим строгой экономии материально-технических и валютных средств, разработать и проводить конкретные меры по борьбе с безхозяйственностью и разбазариванием народного достояния.

Решительно вести борьбу с теневой экономикой, которую не применять, меру уголовной административной ответственности по фактам коррупции, тунеядства, спекуляции, сокрытие товаров от продажи, безхозяйственности и других правонарушений в сфере экономики.

Создать благоприятные условия для увеличения реального вклада всех видов предприятий тяжелой промышленности, особенно в соответствии с законами Союза СССР, в экономику, социальную процветание и обеспечение насущных потребностей населения.

10. Считать несостоятельной работу на постоянной основе структурах власти и управления с занятием должностных обязанностей.

11. Кабинету Министров СССР в недельный срок осуществить инвентаризацию всех наличествующих производственных и промышленных товаров первой необходимости, доложить народным распорядителем стране, из под строжайшего контроля их сохранности и распределение.

Отменить любые ограничения, препятствующие перемещению по территории СССР продовольствия и товаров народного потребления, а также материальных ресурсов для их производства жестко контролировать бюджетное талонное раздача.

Особое внимание уделить в первую очередь снабжению школьниками, студентами, студентками, детьми школьного, средних специальных и высших учебных заведений. Меры в так же влиятельны и реализации.

В тех случаях, когда возникло положение, угрожающее безопасности жизни и здоровью населения, Комитет вправе использовать предоставленные ему полномочия в соответствии с законодательством СССР.

ВХОДЯЩАЯ ШИФРТЕЛЕГРАММА № 36/Ш

Получена 19 августа 1991 г. 11 час. 45 мин.

Расшифрована 19 августа 1991 г. 11 час. 55 мин.

секретно

Первым секретарям ЦК компартий союзных республик, рескомов, крайкомов, обкомов партии.

В связи с введением чрезвычайного положения примите меры по участию коммунистов в содействии Государственному Комитету по Чрезвычайному Положению в СССР.

В практической деятельности руководствоваться Конституцией Союза ССР.

О пленуме ЦК и других мероприятиях сообщим дополнительно.

№ 116/Ц

Секретариат ЦК КПСС

Отпечатано 1 экз. в 12 час. 05 мин. 19 августа 1991 г.

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны.

Каковы бы причинами не оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правами, реакционным, антиконституционным переворотом.

При всех трудностях и тяжелых испытаниях, переживаемых народом, демократический процесс в стране приобретает все более глубокий размах, необратимый характер. Народы России становятся хозяевами своей судьбы. Существенно ограничены бесконтрольные права неконституционных органов, включая партийные. Руководство России заняло решительную позицию по Советскому договору, стремясь к единству Советского Союза, единству России. Назрела потребность этому вопросу позволить существенно ускорить подготовку этого Договора, согласовать его со всеми республиками и определить дату его подписания - 20 августа с.г.

Такое развитие ^{события} вызвало озлобление реакционных сил, толкало их на безответственные, авантюристические попытки решения глубоких политических и экономических проблем силовыми методами. Ранее уже предпринимались попытки осуществления переворота.

Мы считали и считаем, что такие силовые методы неприемлемы. Они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе холодной войны и изоляции Советского Союза от мирового сообщества.

Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета.

Уверены, органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным Законам и Указам Президента РСФСР.

Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию. Безусловно необходимо обеспечить возможность Президенту страны ГОРБАЧЕВУ выступить перед народом. Требуем немедленного созыва чрезвычайного съезда народных депутатов СССР.

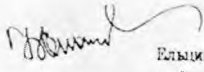
Мы абсолютно уверены, что наши соотечественники не дадут утвердиться произволу и беззаконию потерпевших всякий стыд и совесть путчистов. Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участия в реакционном перевороте.

До выполнения этих требований призываем к всеобщей бессрочной забастовке.

Не сомневаемся, что мировое сообщество даст объективную оценку

подобной попытке правого переворота.

Президент РСФСР

Ельцин Б.Н.

Председатель СМ
РСФСР

Силин И.С.

И.О. Председателя
Верховного Совета РСФСР

Касбулатов Р.И.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Предпринята попытка государственного переворота, отстранен от должности Президент СССР, являющийся Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил СССР, вице-президент СССР, премьер-министр СССР, Председатель КГБ СССР, министры обороны и внутренних дел СССР вошли в антиконституционный орган, совершив тем самым государственное преступление. В результате этих действий деятельность законноизбранной исполнительной власти Союза ССР оказалась парализованной.

В сложившейся чрезвычайной ситуации п о с т а н о в л я ю :

1. До созыва внеочередного Съезда народных депутатов СССР все органы исполнительной власти Союза ССР, включая КГБ СССР, МВД СССР, Министерство обороны СССР, действующие на территории РСФСР переходят в непосредственное подчинение избранного народом Президента РСФСР.

2. Комитету государственной безопасности РСФСР, Министерству внутренних дел РСФСР, Государственному комитету РСФСР по оборонным вопросам временно осуществлять функции соответствующих органов Союза ССР на территории РСФСР.

Все территориальные и иные органы МВД, КГБ и Министерство обороны на территории РСФСР обязаны немедленно исполнять указы и распоряжения Президента РСФСР, Совета Министров РСФСР, приказы КГБ РСФСР, МВД РСФСР, Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам.

3. Всем органам, должностным лицам, гражданам РСФСР принять незамедлительные меры к тому, чтобы исключить выполнение любых решений и распоряжений антиконституционного Комитета по чрезвычайному положению.

Должностные лица, выполняющие решения указанного комитета отстраняются от исполнения своих обязанностей в соответствии с конституцией РСФСР. Органам Прокуратуры РСФСР немедленно принимать меры для привлечения указанных лиц к уголовной ответственности.

Президент РСФСР Б. Ельцин

Москва, Кремль

19 августа 1991 года

ОБРАЩЕНИЕ МЭРЯ МОСКВЫ

К ГРАЖДАНАМ СТОЛИЦЫ

Дорогие москвичи!

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года совершился государственный переворот. Отстранен от власти законный президент. Власть узурпировала группа лиц, именующая себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, не имеющая конституционных полномочий на руководство страной, представлявшая собой фактически хунту. В ее состав вошли лица, несущие основную и непосредственную ответственность за катастрофическое положение в экономике, общественной безопасности и социальных условиях жизни граждан. Как можно серьезно относиться к обещаниям за шесть месяцев улучшить нашу жизнь, если под ними стоит подпись члена чрезвычайного комитета В.С.Павлова - вдохновителя и организатора грабительского повышения цен.

Переворот преследует цель свергнуть любые демократические преобразования и надолго оставить страну под властью реакционных сил.

Я обращаюсь ко всем гражданам Москвы - трудящимся, пенсионерам, ветеранам, военнослужащим, работникам правоохранительных органов:

используя данной мэрю избирателями Москвы мандат на выборах 12 июня 1991 года, я присоединяюсь к заявлению руководства РСФСР во главе со всенародно избранным президентом России Б.Н.Ельциным и объявляю незаконной захваченной властью, так называемой, Государственной комитет по чрезвычайному положению. Все его решения и распоряжения на территории Москвы не подлежат исполнению. С 19 августа я призываю всех трудящихся столицы, за исключением занятых в отраслях городского хозяйства, связанных с жизнеобеспечением города и населения, прекратить работу и приступить к бессрочной забастовке до полного отстранения хунты от власти.

Уверен, что солидарность и решительность москвичей, граждан России, сознательность и патриотизм военнослужащих встанут на пути мятежников и не дадут осуществиться их антинародным замыслам.

И.о. мэра Москвы

Д.М.Луков

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В связи с действиями группы лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

1. Считать объявление Комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся ничем иным как государственным преступлением.

2. Все решения, принимаемые от имени так называемого комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действуют законно избранная власть в лице Президента, Верховного Совета и Председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного комитета, подпадают под действия уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится в действие с момента его подписания.

Президент РСФСР Б.Ельцин

Москва, Кремль

19 августа 1991 года

Префектам административных округов,
председателям исполкомов райсоветов

ТЕЛЕФОНОГРАММА № 159 от 19.08.91г.

Указом Президента РСФСР от 19.08.01 так называемый "комитет по чрезвычайному положению" объявлен антиконституционным, а его действия квалифицированы как государственное преступление. Все его решения не имеют силы на территории РСФСР. Должностные лица, выполняющие решения указанного комитета попадают под действие УК РСФСР и подлежат преследованию по закону.

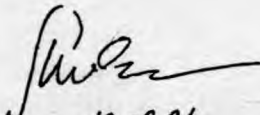
Присоединяясь к воззванию Б. Н. Ельцина, И. С. Силаева и Р. И. Хасбулатова призываю всех трудящихся столицы, за исключением занятых в отраслях городского хозяйства, связанных с жизнеобеспечением города и населения прекратить работу и приступить к бессрочной забастовке до полного устранения хунты от власти. Мэрия разрешила проведение митинга на Манежной площади с 12 часов 20 августа 1991 года.

Доведите данную телефонограмму до сведения руководителей предприятий, советов трудовых коллективов и профсоюзных комитетов предприятий на подведомственной территории не позднее 11 часов 20 августа с. г.

И. о. мэра Москвы

Ю. М. Лужков

Передал: МАСНИКОВ С.А.
т. 203-30-95

19.08.91г.

1030 2100

ПРЕЗИДЕНТ

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

УКАЗ

Совершив государственный переворот и отстранив насильственным путем от должности Президента СССР - Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР,

Вице-президент СССР - Янаев Г.И.

Премьер-министр СССР - Павлов В.С.

Председатель КГБ СССР - Крючков В.А.

Министр внутренних дел СССР - Пуго Б.К.

Министр обороны СССР - Язов Д.Т.

Председатель крестьянского союза - Стародубцев В.А.

Первый заместитель председателя Государственного комитета по обороне - Бакланов О.Д.

Президент ассоциации промышленности, строительства и связи - Тизяков А.И.

и их сообщники совершили тягчайшие государственные преступления, нарушив статью 62 Конституции СССР, статьи 64, 69, 70, 70¹, 72 Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующие статьи Основ уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик.

Изменяя народу, Отчизне и Конституции они поставили себя вне Закона.

На основании вышеизложенного постановляю:

Сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбы народа и государства, не желающим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития дается право действовать на основании Конституции и законов СССР и РСФСР. Как Президент России от имени избравшего его народа гарантирую Вам правовую защиту и моральную поддержку.

Судьба России и Союза в ваших руках.

Президент РСФСР

Б.Ельцин

Москва, Кремль

"19" августа 1991 года

22.8.91.3 Омика.

Юрий Луцкий

72

фото
Андрея Абрамцова

художник
Юрий Луцкий

Госа
апофис

август 1991 г.
Начало и конец
коммунистического нумизмата
в России

Юрий Михайлович ЛУЖКОВ

72 часа агонии. Август 1991 г. Начало и конец
коммунистического путча в России.

Художник Б. Жутовский
Фотографии А. Абрашитова

Ответственный за выпуск А. Ланецкий
Редактор Р. Белоусов
Технический редактор М. Столярова
Корректор Г. Ганапольская

Подписано в печать 19.12.91. Формат 84x108 /32. Бумага офсетная №1. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Усл. п.л. 6,72. Уел. кр.-отг. 7,455. Д

Цена 5 р. 60к.

Международный журнал "Магистерium". 117602 Москва, Олимпийская деревня, ул. Пельше, 3.

Московская типография № 7. Министерство печати и информации
Российской Федерации. 121019, г. Москва, пер. Аксакова, 13.

ОБ АВТОРЕ

Юрий ЛУЖКОВ отметил свое 55-летие 21 сентября 1991 года - ровно через месяц после подавления коммунистического путча в Москве. А летом этого же года он был подавляющим большинством москвичей избран вице-мэром столицы и стал одновременно премьером правительства огромного города с девятимиллионным населением. Программа московского правительства - широкие и активные демократические преобразования в экономической, политической и социальной сферах. Именно поэтому путчисты видели его среди основных своих врагов и намечали расправиться с ним в первую очередь. Тридцать с лишним лет назад, получив диплом инженера и начав работать в исследовательском институте, Юрий Лужков и не помышлял о том, что когда-нибудь станет известным всему родному городу (с 1990 года он - председатель исполкома Московского Совета народных депутатов, а после выборов - премьер правительства - вице-мэр Москвы), что судьба выберет его как одного из главных организаторов сопротивления путчистам. А до того - за три десятка лет - он поднимался по ступенькам инженерной карьеры, заняв на ее вершине пост генерального директора крупного научно-производственного объединения, где работали двадцать тысяч человек, воспитал двух сыновей и научился мастерски складывать русские печки и строить деревянные дома. Утро субботы для Юрия Лужкова неприкосновенно: он играет в футбол, организовав команду из членов своего правительства, а зимой в любой мороз плавает в проруби и, отряхнувшись от ледяной воды, любит в плавках позировать газетным фоторепортерам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие мэра Москвы Гавриила ПОПОВА</i>	31
Телефон звонит на рассвете.....	32
Угрозы сыплются со всех сторон	35
Агенты госбезопасности ездят на бежевых «Жигулях».....	37
Люди, которые управляли страной, были ни на что не годны	39
Президента СССР запирают на даче.....	41
«Почему вы не на своих местах?».....	45
Заговорщики ищут союзников.....	47
Не надо охранять!.....	49
Как я проиграл пари	50
Маршал Язов делает свой выбор	52
Шеф телевидения и радио любит балет «Лебединое озеро».....	55
Биржи прекращают операции — забастовка	57
Нас хотят арестовать.....	60
Список самоубийств продолжает расти	62
Люди гибнут за металл.....	65
Кто собирается лезть с крючьями на стены Кремля?	68
Путч без лидера — не путч!	70
Они ложатся спать	72
Самая длинная ночь в моей жизни	76
Борис Ельцин входит в историю.....	78
Танки покидают Москву.....	80
Главарь КГБ бежит в Крым	84

Все охотятся за черным чемоданчиком, в котором лежит «ядерный ключ».....	85
Сорок офицеров берут на караул	87
У победы много родителей, а поражение — всегда сирота.....	89
Нельзя жить на развалинах	91
Это может присниться в кошмарном сне.....	94
Михаил Горбачев прощается с коммунизмом.....	95
Эпилог, но не конец этой истории.....	97
<i>Послесловие Президента России Бориса ЕЛЬЦИНА</i>	104

ПОМНИ АВГУСТ 91 !

**ГАВРИИЛ ПОПОВ, мэр Москвы:
«В те три августовских дня москвичи
спасли нашу страну от возврата
к коммунистическому тоталитаризму,
к изоляции от цивилизации, спасли мир
от возврата к холодной войне».**

Движение истории неумолимо, и путь ее непроторенный. Каждый народ в свое время пишет ее судьбоносные для себя и человечества строки, строки, повествующие о неистребимом стремлении к свободе и счастью. Мы хорошо знаем, что любой народ можно одурачить, обмануть на годы, даже десятилетия, но раньше или позже дух свободы и жажда счастья отторгнут всю грязь, тлен и возродят живую человеческую душу. Именно такую золотую пору переживают сейчас все народы, которые на географических картах все еще объединяет один цвет - красный.

В Августе мы поняли, что умеем ценить свободу и бороться за нее.

После Августа мы должны доказать себе и миру, что умеем беречь ее и пользоваться ее плодами во благо всех и каждого, ибо он – этот Август - лишь открыл дорогу, по которой предстоит идти и идти.

Мы готовы принять любую доброжелательную помощь любой страны, любого человека Запада или Востока и вместе с тем с полным пониманием и ответственностью отдаем себе отчет в том, что никто, кроме нас самих, не принесет нам избавления от проклятого тоталитарного прошлого, пока не изжитого до конца ни в нас, ни вокруг нас.

Нам предстоит, преодолев страх перед экономическим освобождением, связанными с ним трудностями, вступить туда, откуда мы ушли после удавшегося коммунистического путча в октябре 1917 года, вспомнить более ранние времена и найти там истоки могущества, благополучия России, приникнуть к ним.

Нам предстоит впервые в истории родной страны обрести истинную политическую свободу, избежав анархии, хаоса, понять и принять ее, создать гражданское общество, выпестовать демократию, разноликие политические партии, цивилизованных политических лидеров и не сотворить из них очередных кумиров.

Нам предстоит поднять на мировой уровень наше человеческое достоинство, вопреки десятилетиям коммунистического холопства и вековому крепостничеству.

Нам предстоит труднейшая дорога...

Мы пройдем весь отмеренный нам путь. Август 1991 года вселяет в нас надежду.

Гавриил ПОПОВ

ТЕЛЕФОН ЗВОНИТ НА РАССВЕТЕ

В субботу, 17 августа 1991 года, у меня, как всегда, был рабочий день. По воскресеньям вечерами тоже обычно приезжаю в мэрию: смотрю деловые бумаги, составляю программу работы на предстоящую неделю. И в этот вечер — 18 августа — не было ни малейших намеков на то, что случится в ближайшие часы, хотя потом узнал, что уже 17 августа КГБ установил за мной круглосуточное наблюдение...

Для меня все началось ранним утром 19-го. Раздался телефонный звонок. У нас в семье привыкли к таким неурочным звонкам — ложимся спать обычно в час-два ночи, встаем рано, так что и этот звонок не предполагал никакой неожиданности. Трубку взяла жена, и по первым ее словам я понял, что звонит наш ответственный дежурный (в мэрии Москвы круглосуточное дежурство).

— Может быть, попозже? — слышу голос жены. — Юрий Михайлович еще спит.

Чувствую, что собеседник настаивает, и сам беру трубку.

— В чем дело?

— Товарищ Лужков, по радио только что объявлено о смене власти в стране. — И этот человек, не искушенный в политических тонкостях, сразу дал свою оценку: — Переворот! С участием военных. Государственный переворот.

Сначала я ничего не понял, и непроизвольно вырвалось:

— Какой такой переворот?

В нашем огромном городе нередко различные происшествия: лопается труба магистрального водопровода, что-то может обвалиться, произойти крупная автомобильная авария... А переворот?

Это не укладывалось в голове. Никогда в России, по крайней мере в памятные мне времена, да и много раньше, не было никаких военных переворотов. Мы ведь не Латинская Америка, не Африка... Полнейший абсурд!

Между тем дежурный докладывал детали. Президент СССР Михаил Горбачев не может управлять страной по состоянию здоровья. И власть перешла к вице-президенту

Геннадью Янаеву. Образован государственный комитет по чрезвычайному положению.

Немедленно вызвал машину, чтобы ехать в мэрию. Там уже был Василий Шахновский, управляющий делами мэрии, и Владимир Ресин, заместитель премьера, министр правительства Москвы. Мэр города Гавриил Попов находился в Средней Азии — в Кыргызстане — в отпуске (впрочем, отпуском его пребывание там можно было назвать относительно: шла работа по налаживанию экономических связей Москвы с республикой). Вернуться мэр должен был поздним вечером 19-го.

Мы все время чувствовали нехватку этого человека в понедельник — первый день путча. Наш мэр в трудных ситуациях всегда проявляет решительность, активность, ведет себя очень мужественно. К сожалению, нам не оставалось ничего другого, как действовать без него.

С Василием Шахновским и Владимиром Ресиным у нас сразу же состоялось экспресс-обсуждение. Так что же все-таки случилось?

Прежде всего бросилось в глаза вот что.

Первое. Нет никакого заявления Президента СССР, находившегося в тот момент на отдыхе, на правительственной даче в Крыму, в курортном поселке Форос. Настораживало переданное по телевидению и радио и опубликованное в утренних газетах весьма странное сообщение о неожиданно резком изменении состояния здоровья Михаила Горбачева до такой степени, что не только утратил способность управлять страной, но и просто не смог сделать какого-либо заявления. Но если он так болен (хотя до того момента здоровье его было отменным: он мог уставать, но активность его была всегда высока), что не может двигать рукой и шевелить мозгами, то почему по этому поводу нет принятого в таких случаях медицинского заключения лечащих врачей?

Второе, на чем сосредоточилось наше внимание: «своеобразие» компании, взявшей власть и создавшей какой-то непонятный, не предусмотренный никакими законами чрезвычайный комитет. Их ортодоксально-коммунистические взгляды были хорошо известны.

Главных из этой восьмерки, вошедших в чрезвычайный комитет, я отлично знал.

Четверо из них «утрамбовывали» меня, требуя, чтобы я не допустил митинга и демонстрации демократов возле Кремля — на Манежной площади — 28 марта 1991 года.

Глава Кабинета министров СССР Валентин Павлов незадолго до того дня издал постановления правительства о запрещении митингов и демонстраций в Москве и, мало

того, предупредил меня о моей личной уголовной ответственности, если что-то случится. Свое разрешение (от имени городских властей) на проведение митинга я категорически отказался отменить. Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов в те же дни протащил (иного слова подобрать не могу) решение, прямо запрещающее этот митинг.

Утром 28 марта меня принялись «обрабатывать» Борис Пуго, министр внутренних дел СССР, Владимир Крючков, председатель КГБ СССР, и Геннадий Янаев, вице-президент страны (момент был весьма своеобразный, потому что рядом со мной сидели известные демократы Юрий Афанасьев и Аркадий Мурашев, народный депутат СССР).

Словом, публика в чрезвычайном комитете оказалась мне знакомой. Судя по всему, начали спеваться они уже тогда (на тему начали ли спиваться, что тоже замечено, рассуждать не берусь).

Если бы я отменил свое решение, то ситуация была бы проста: митинг и демонстрация на Манежной площади из законных акций автоматически превращались бы в незаконные действия со всеми вытекающими для собравшихся последствиями.

Помню и такую деталь: за 45 минут до начала митинга мы с Гавриилом Поповым позвонили Михаилу Горбачеву. Но он оказался «занятым», причина была ясна — нежелание разговаривать с нами. Дозвонились до Янаева, поговорили. Я ему сказал: «Прошу — доложите Президенту, что у него есть последняя возможность не потерять лицо перед москвичами и отвести войска. Никто на штурм не пойдет, люди хотят заявить о своих политических, общественных взглядах, не надо из того, что уже стало привычным для Москвы — митинги, демонстрации на Манежной площади, — делать пугало». Янаев позвонил через полчаса, за 15 минут до начала, и сказал, что Президент отказывается удовлетворить нашу просьбу.

Что произошло дальше, известно. На близлежащих к Манежной площадях — Маяковского и Арбатской — состоялись многотысячные митинги. В результате мы, москвичи, выглядели достойнейшим образом: свои позиции отстояли.

Личное впечатление о руководителе Кабинета министров Валентине Павлове у меня сложилось давно. Это не серый человек, личность, безусловно, смелая, авантюрная. Мы в своем кругу хозяйственников, общающихся часто и тесно, так и называли Павлова — авантюрист. Портрет Павлова как специалиста тоже нельзя рисовать одной краской. Умен, может анализировать, сравнивать различные

варианты решения, что я очень ценю в руководителях. Грамотный экономист. Однако плохо знает конкретную экономику, хозяйственную деятельность, просто жизнь. Упомяну хотя бы обмен 50- и 100-рублевых купюр, беспрецедентное повышение цен, введение драконовских таможенных пошлин, прекративших поступление на внутренний рынок очень многих нужных нам товаров. Сильные стороны Павлова не компенсировали слабые. Как он по сути был налоговым инспектором, так и остался.

Напомню снова о Геннадии Янаеве. На мой взгляд, он незаконно сидел в своем кресле вице-президента страны, потому что так и не были опровергнуты подозрения о махинациях при его избрании при третьем по счету голосовании на съезде народных депутатов СССР. Но и тут Михаил Горбачев, думаю, утешил себя выводом (наверное, не без соответствующей обработки теми, кого мы увидели в составе чрезвычайного комитета), что все это происки демократов: они не дают возможности подобрать, назначить прекрасного человека. Для характеристики Янаева здесь излишне вспомнить и о его здоровье, когда на вопрос об этом он горделиво и совершенно серьезно ответил: «Спросите у моей жены».

Вот такие размышления я не могу не привести, потому что они сразу четко определили нашу позицию. Излагая их, понимаю, что потратил сейчас на это больше времени, чем понадобилось нам с Ресиным и Шахновским при первом разговоре в мэрии утром 19 августа.

Мы были едины во мнении: начался антиконституционный коммунистический путч.

УГРОЗЫ СЫПЛЮТСЯ СО ВСЕХ СТОРОН

На столе у нас уже лежал Закон о чрезвычайном положении, которое можно ввести лишь при стихийных бедствиях, катастрофах, эпидемиях, эпизоотиях, массовых беспорядках. Ничего подобного в городе не было. Это тоже подтверждало наихудшие предположения.

Решено было переговорить с Президентом России Борисом Ельциным.

В «Белом доме» (здании на берегу Москвы-реки, где располагаются парламент и правительство России) ответили, что он на даче. Там также имелся телефон правительственной связи, которая нарушена не была.

К телефону подошла женщина — жена или дочь Ельцина. У меня создалось впечатление, что этого звонка ждали.

Он сразу взял трубку, твердо сказал «переворот», спросил, что предпринимаем. Я доложил: решаем две задачи — координируем усилия москвичей для отпора заговорщикам и готовим заявление.

— У нас уже Обращение к народу России есть. Приезжайте и будьте предельно осторожны.

Мы сразу собрались ехать к Борису Ельцину. Остановил телефонный звонок — первый секретарь Московского горкома Коммунистической партии Советского Союза Юрий Прокофьев.

Он никогда не говорил со мной таким наглым тоном, даже во времена, когда горком еще был всесильным.

— Предлагаю немедленно приехать ко мне для получения инструкций.

— Не понимаю, чем вызван ваш тон, — ответил я.

— Слышал о том, что произошло? Так вот, все должно измениться. Предлагаю приехать немедленно.

— Я договорился о встрече с Ельциным...

В те первые часы не думал ни о какой конспирации, потому что еще казалось, будто продолжается обычная жизнь, хотя оснований для этого уже не было никаких.

— К Ельцину ехать не надо, иначе об этом пожалеешь.

Повесил трубку. И снова звонок — Виталий Прилуков, начальник управления Комитета государственной безопасности по Москве и Московской области.

Тон спокойный, уверенный и без хамства, которым поразили предыдущий товарищ.

Прилуков вдаваться в подробности не стал, только предупредил меня:

— Продолжайте работу, товарищ Лужков.

Он дал понять, что не считает меня «совсем потерянным человеком» и что любые изменения, могущие произойти в стране, Москве, меня не коснутся, если я буду «прилично вести себя».

— Мы и не собираемся никому передавать власть в городе, нас москвичи выбрали...

Так сразу, по первым телефонным звонкам, обозначили себя главные силы в заговоре — «близнецы-братья», ненавидимые народу: партийное чиновничество, лишенное какой-либо массовой поддержки, но рвущееся к коммунистическому реваншу, и руководство КГБ, ничему не научившееся за всю его страшную историю.

Прилуков как бы вскользь упомянул о назначении военного коменданта Москвы, который, по его словам, готов сотрудничать с мэрией, сказал о возможности введения войск в город.

Мы уже и сами знали об этом из сообщений депутатов Моссовета и райсоветов: по нескольким автомагистралям к городу приближались танки.

Не надо было долго раздумывать, чтобы понять, какие объекты в первую очередь станут приманкой для них: «Белый дом», мэрия. Горком партии захватывать не было нужды, потому что его позиция после разговора с Прокофьевым никаких сомнений не оставляла. Не надо было захватывать и Кремль: там и так окопались заговорщики. А Президент СССР, судя по всему, уже был захвачен...

Прежде чем отправиться к Ельцину, отдал некоторые распоряжения.

С этого первого утра и в течение всех остальных тревожных суток — никакой паники, спокойствие. Резко, буквально физически ощутимо укреплялись деловой настрой, дисциплина. Прекратились бесконечные разговоры, которыми отличались многие депутаты. Они действовали в общем ритме и внесли огромный вклад, подняв москвичей на борьбу.

АГЕНТЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЕЗДЯТ НА БЕЖЕВЫХ «ЖИГУЛЯХ»

Путь предстоял недалекий: до дачи Ельцина около 30 километров.

Сев в машину, счел своим долгом предупредить Михаила Шарова, водителя:

— Мы поедем в самое пекло. Возможны танки, возможны выстрелы, возможен наш захват, возможна кровь. Если откажешься, никаких претензий.

Вдруг слышу обыденное, привычное:

— Поехали. Чего там...

И мы рванули.

Неподалеку от дачи Ельцина Михаил обратил мое внимание на бежевый автомобиль — «жигуленок».

— Вот он — КГБ. Я их всех вижу. Нас зафиксировали.

Вскоре нашу «Волгу» остановили милиционеры с автоматами. При подъезде к даче встретили несколько человек в штатском и тоже с оружием: пистолетами и короткими автоматами — охрана Президента России.

Открыла дверь жена Президента, спокойная, приветливая. Я, глядя на очень чистые полы, хотел снять ботинки. Она замахала руками.

Из прихожей вошел в комнату.

Большой стол с бумагами, знакомые лица: Руслан Хас-

булатов, исполняющий обязанности председателя парламента России, Иван Силаев, премьер правительства республики, вице-президент Александр Руцкой, министр Михаил Полторанин, некоторые другие. Один из присутствовавших зачитывал по телефону специальной, охватывающей всю страну связи — «ВЧ» текст Обращения руководителей России к населению.

Президент был в шлепанцах на босу ногу, в далеко не новой, простенькой тенниске — совсем по-домашнему.

Он показал на яблоки на подоконнике.

— Попробуй, вкусные. Сами сушим...

— Москва с вами, — сказал я ему.

Разговор был недолгим. Говорили в основном о том, как организовать в Москве сопротивление мятежникам.

Уверенность у меня была полнейшая. Месяцы после митинга 28 марта убеждали в том, что настроение москвичей меняется: демократические идеи получают все большее распространение. Вспомнил мощную манифестацию, организованную демократами 29 апреля, и для сравнения — художничья митинг, состоявшийся 1 мая на Красной площади по велению официальных профсоюзов и в присутствии Президента страны.

Еще до 19 августа у меня сформировался образ сегодняшнего города — демократически настроенного, мужественного, стойкого, готового идти к лучшей жизни наперекор всем трудностям. Вот почему я заверил Президента России в безоговорочной поддержке москвичей.

— Спасибо, — ответил он. — Поднимайте народ. Так просто все это не кончится...

Напряжение нарастало.

Уже с ближних постов от охраны Президента поступали сообщения, что дача берется в кольцо: подъезжали какие-то машины, автобусы, из них выходили группы людей (конечно, мы понимали, что даже если нас уничтожат, во главе борцов станут другие).

Руководителям России пора было перемещаться в «Белый дом».

Вошел мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак, приехавший в то утро в Москву по каким-то делам. Он присоединился к нам, когда понял, что произошло.

Мы посидели с ним на диване, перебросились несколькими фразами. Я ему посоветовал любыми путями быстрее добираться до Санкт-Петербурга. Он согласился. Наши города надо было поднимать первыми.

Экземпляр Обращения руководителей России к населению был у меня уже в руках. Пора было назад, в Москву.

Ехать решили разными путями, хотя дорог отсюда было немного.

Борис Ельцин в своих шлепанцах на босу ногу и тенниске обратился к домашним:

— Женщины, можно, наконец, найти носки для Президента России?..

Мы распрощались, и он снова предупредил:

— Осторожно, предельно осторожно. Постарайся про-рваться...

Дорога шла лесом. Я сказал водителю:

— Миша, давай менять номер на машине.

Остановились. В багажнике у нас есть запасные номера, необходимые для разных случаев жизни, хотя мы их практически пока не использовали. Новый номер был серии транспорта органов внутренних дел.

Так, в буквальном смысле на ходу, мы стали овладевать неведомой нам прежде наукой конспирации, с которой были знакомы лишь по книгам, кинофильмам о большевистском подполье до октября 1917 года.

Машина снова шла на предельной скорости. За окнами мелькнул знакомый бежевый «жигуленок», стоявший на прежнем месте.

Выехали на шоссе и пристроились к колонне идущих цугом машин, чтобы не привлечь внимания. Минуты через три всю колонну, куда мы затесались, на бешеной скорости обогнал тот самый «жигуленок».

Когда подъехали к кольцевой дороге — границе Москвы, навстречу нам, теперь уже в другую сторону, пронесся он же. Нас явно искали. Хотели ли блокировать, захватить или устроить катастрофу на шоссе, скорее всего, никто и никогда не узнает.

В городе, у Манежа, увидели танки, но до мэрии добрались без происшествий.

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ УПРАВЛЯЛИ СТРАНОЙ, БЫЛИ НИ НА ЧТО НЕ ГОДНЫ

Я поднялся к себе в кабинет, пригласил Шахновского, попросил его немедленно сделать десяток ксерокопий Обращения руководителей России и затем передать каждую из них на ксероксы в другие места, в том числе и за пределы здания мэрии. Если будут «накрыты» один или несколько экземпляров, Обращение все-таки попадет к москвичам.

Подходили депутаты и не только они, брали Обращение. Маршруты пролегли по всему городу. Москвичи видели

Обращение на стенах домов, заборах, на танках и бронетранспортерах. Опубликовали его запрещенные, но выходявшие подпольно газеты, передали демократические «Эхо Москвы» и «Радио России».

У меня словно гора с плеч свалилась, и не потому, что вернулся живым и здоровым, — сделали дело огромной важности. Начало было положено.

Казалось, проскочил весь день. Взглянул на часы: 10.30.

Поступили сообщения, что Борис Ельцин благополучно добрался до «Белого дома».

Тогда я не очень-то задумывался о происшедшем, теперь же, возвращаясь к тем дням, задаюсь вопросом, почему Президент, все те, кто был с ним, и мы с водителем Мишей «прорвались»? Что это — везение, счастливый случай? Нет!

Главари коммунистического путча были уверены в поддержке народа, армии. Они не знали, не понимали, что за минувшие годы миллионы людей многому научились: митинги, демонстрации, выступления демократической прессы дали им «высшее политическое образование». Вот почему даже в самом начале команды, которые давались сверху военным, исполнялись без всякого усердия, апатично, а то и вовсе уходили в песок. Большинство понимало, что нарушения закона, репрессии не могут пройти безнаказанно для их исполнителей.

Разные были позиции у военных, сотрудников госбезопасности. У кого хватало смелости, патриотизма, переходили на сторону народа. Поблагодарим всех их — названных и неназванных. Поблагодарим и тех честных офицеров КГБ, которые сообщили нам с Гавриилом Поповым, что мы должны быть арестованы в ночь с 20-го на 21-е.

Крючков, как и Язов, не понял, не увидел смены настроений в войсках, в органах госбезопасности, и это стало одной из причин, погубивших путчистов.

Для сравнения подчеркну: демократы, наоборот, были единомышленны и действовали четко, инициативно, решительно.

Мне в этот первый день было очень тяжело. И вместе с тем легко — все сказанное понималось и принималось с полуслова. Депутаты и работники аппарата мэрии, даже те, кто никогда прежде друг к другу особой любви не испытывали, сплотились и все вместе действовали так, что нельзя было не удивиться. Поистине друзья познаются в беде. Все, кому я давал поручения, возвращались ко мне, как говорили на моей старой работе в научно-производственном объединении, с «квитанцией об исполнении» — докладывали: сделано, сделано.

Отложив самые срочные дела, я наметил канву воззвания мэрии к москвичам, свои варианты затем подготовили Олег Орлов и Владимир Боксер. Вслед за ними включился в дело Владимир Шаповалов, матерый аппаратный «волк», завершивший работу двух молодых демократов.

Ничтожным был идеологический багаж заговорщиков, заимствованный из старых арсеналов КПСС. В обращении хунты, назойливо звучащем 19-го по радио и телевидению, не было ничего, кроме смехотворных, очевидно лживых посулов и желчи, потоком изливаемой на «эти мэрии и префектуры», на все новое, что принесли последние годы.

Сравнивая сегодня, на спокойную голову, этот бессмысленный набор трескучих фраз, казенных штампов, эти словоблудие чиновников партии с Обращениями Бориса Ельцина и московской мэрии, четко видишь не только противоположность политических и нравственных позиций, но и состояние души их авторов.

И еще одна причина провала путчистов. Это довольно странный вывод, но я на нем настаиваю. Люди, которые управляли страной, в действительности ни на что негодились. Мы понимали это и раньше, теперь довелось убедиться воочию.

ПРЕЗИДЕНТА СССР ЗАПИРАЮТ НА ДАЧЕ

Пожалуй, единственной операцией, которую путчистам удалось осуществить, можно считать пленение Президента СССР на правительственной даче на Черноморском побережье Крыма, в Форосе, где располагались и санатории для отдыха советской элиты.

Подробности этого заточения можно почерпнуть из выступления и ответов на вопросы самого Михаила Горбачева на пресс-конференции сразу по возвращении после провала путча, а также из рассказов очевидцев, прежде всего врача-невропатолога Анатолия Лиева, работающего в правительственной санатории на другом курорте — в Кисловодске, одного из помощников Президента Анатолия Черняева, депутатов, находившихся на отдыхе в Крыму, и из беседы тележурналиста с супругой Президента.

В первых своих заявлениях хунта назойливо бубнила, что Президент страны болен и потому власть переходит к вице-президенту Янаеву. Эта чудовищная ложь содержала малую толику правды: Михаил Горбачев перенес приступ банального радикулита, для жизни не опасный и ничуть не мешающий выполнению президентских обязанностей.

Доктор Анатолий Лиев узнал об этом из телефонного разговора: позвонили из Фороса. Он ответил, что сразу же вылетит в Крым, но попросил, чтобы его прямое начальство в Москве дало разрешение покинуть постоянное место работы. Дело это, если речь идет о вызове к самому Президенту, должно было занять не более нескольких минут. Но ни в тот день, ни на следующий из Москвы никаких распоряжений не поступило. А с форосской дачи звонили и звонили, продолжая настаивать на немедленном вылете. Только 17 августа Анатолий Лиев услышал голос из Москвы: «Можете ехать».

На президентской даче врачу сообщили, что несколькими днями раньше на прогулке у его пациента «схватило» поясницу и домой он смог вернуться только с помощью близких.

Опытнейший врач почти сразу сумел добиться улучшения состояния и попросил к очередной встрече — 18 августа — выписать из Москвы несколько препаратов, не имеющих в здешней аптеке. Осмотр на другой день обрадовал врача: пациент чувствовал себя значительно лучше, соответственно поднялось настроение. Он сказал:

— Делай что хочешь — вынимай нерв, позвонок, хоть ногу, но девятнадцатого я должен быть в Москве...

Врач знал, что на 20 августа намечено подписание рядом республик Союзного договора и Михаилу Горбачеву предстояло произнести при этом важном событии соответствующую речь.

В шприцы уже была набрана необходимая смесь, и лечение продолжилось.

Утром 19-го, перед отбытием в Москву Президента, врач должен был еще раз его посетить. Но этого не произошло.

Еще в первые часы своего пребывания в Крыму Анатолий Лиев заметил (но особого значения этому не придал), что вокруг форосской дачи больше, чем обычно, роилось военных, милиции, людей в штатском, на которых обычные костюмы сидели, как форменная одежда. Документы проверяли на каждом шагу и, уходя в кусты, что-то у кого-то запрашивали по рациям. На море рядом с привычным в этом месте катером появились военные корабли.

Ничего не подозревавший врач утром 19-го отправился на пляж санатория, где остановился у своего ученика, чтобы искупаться перед визитом к Президенту.

Неожиданно к нему подошел незнакомец в явно непляжном одеянии, подсел, не спросив разрешения, и без предисловий приступил к беседе:

— Слышал, Горбачева то ли разбил паралич, то ли он умер. По радио сказали...

Не ожидая продолжения, врач бросился в свою комнату.

По радио после грустной музыки стали передавать заявление государственного комитета по чрезвычайному положению. Можно понять состояние этого человека, накануне делавшего уколы Горбачеву. От одной мысли, что из Москвы были ошибочно присланы или специально подсунуты не те лекарства, можно было потерять дар речи.

Машина с президентской дачи все-таки пришла, но к ней Лиева и близко не подпустили. Один из активно действовавших локтями безапелляционно заявил:

— В Форос вы не поедете, вам там делать нечего. Находитесь в своей комнате, и не советуем разгуливать. Указания получите позже...

— Вы Горбачеву сейчас не поможете, — прошептал другой из крутившихся возле машины и, судя по всему, не очень уютно чувствовавший себя.

Вернувшись в комнату, врач схватился за телефон — гробовое молчание. Через несколько минут безуспешных попыток оживить телефон услышал голос:

— Не насилуйте аппарат — связи нет. Положите трубку!

Пришел ученик Лиева, который дал ему приют в этом санатории, и показал телеграмму Бориса Ельцина, адресованную депутатам парламента, находившимся на отдыхе в Крыму: использовать все возможности для встреч с Президентом СССР, чтобы разузнать, что с ним происходит.

Вечером того же дня депутаты предприняли первую попытку проникнуть на дачу Горбачева. Охрана, демонстрируя дружелюбие, поинтересовалась, кто и зачем пожаловал, взяла депутатские удостоверения и вскоре столь же дружелюбно не разрешила и шагу ступить дальше: у Президента, мол, нет возможности принимать всех отдыхающих по соседству депутатов. На прощанье утешили:

— Не волнуйтесь, у него все в порядке...

Утром 20-го была предпринята вторая попытка. В ней принял участие и доктор Анатолий Лиев. Снова без успеха.

Высокопоставленные офицеры держали круговую оборону и на все призывы одуматься и не следовать преступным указаниям, не препятствовать свиданию с Президентом, ответ был один — военным людям надо выполнять приказы командиров.

Что же происходило в это время на неприступной даче?

По свидетельству Анатолия Черняева, помощника Президента, около пяти часов вечера 18 августа он увидел под окнами своего рабочего кабинета в доме, расположенном вблизи президентской дачи, небывалое для этого места скопление машин. Неожиданно пожаловали Валерий Бол-

дин, руководитель аппарата Президента, Олег Бакланов, первый заместитель председателя Совета обороны страны, известный своими давними и крепкими связями с военно-промышленным комплексом, генерал Валентин Варенников, заместитель министра обороны, командующий Сухопутными войсками, и Олег Шенин, секретарь центрального комитета коммунистической партии.

Они сразу же пошли к Михаилу Горбачеву, а начальник управления КГБ, занимающийся охраной высокопоставленных лиц, Юрий Плеханов, его заместитель Вячеслав Генералов, которые тоже приехали с той «четверкой», и начальник охраны Президента Владимир Медведев остались сидеть на парапете лестницы.

Примерно через час четверо вышли и, прихватив с собой Плеханова и Медведева (как выяснилось потом, он тут же написал рапорт с просьбой забрать его от Президента), отбыли. За главного по части охраны остался Генералов.

— Я тут буду за старшего, — сказал он Анатолию Черняеву. — Мне приказано никого не выпускать. Даже если бы я вас выпустил, вас тут же задержат пограничники: образовано полукольцо от моря и до моря в три ряда, дорога Севастополь—Ялта на этом участке закрыта, на море — видите — корабли...

На вопрос, состоится ли 20-го запланированное подписание Союзного договора, последовал ответ:

— Подписания не будет. Самолет, который прилетел за Президентом, отправлен обратно в Москву. Гаражи с его машинами здесь на территории запломбированы, и их охраняют не мои люди, а присланные автоматчики. Я не могу выпустить даже обслуживающий персонал из местных — садовников, поваров, уборщиц. Не знаю, где их разместить... Я военный человек... Мне приказано... Никого!

Связь, действительно, была отключена, даже специальная — для главнокомандующего вооруженными силами, которым является Президент страны. Этот прикрытый коллапом телефон, находящийся там, где бывает Горбачев, тоже был мертв.

— Поднимаю трубку одного из телефонов (я в кабинете как раз работал), не действует, — рассказывал потом Михаил Горбачев. — Поднимаю вторую, третью, четвертую, пятую — тоже нет. Поднимаю внутренний телефон — выключен. Все. Изолирован...

О чем же шла речь в беседе «четверки» с Президентом?

Не ожидая приглашения, бесцеремонно они вошли в кабинет. И сразу был предъявлен ультиматум: передать полномочия вице-президенту.

— Прежде чем начну отвечать на вопросы, я хочу спросить, кто вас послал? — спросил Горбачев.

— Комитет, — услышал в ответ.

— Какой комитет?

— Ну вот, комитет в связи с чрезвычайной обстановкой в стране.

— Кто его создал? Я его не создавал. Верховный Совет не создавал. Кто его создал?

Горбачеву сообщили, что этот комитет уже сформирован и нужен лишь Указ Президента. Он может или издать этот Указ и оставаться в Крыму, или передать полномочия вице-президенту. Ситуация такая: страна катится к катастрофе, нужно вводить чрезвычайное положение, ибо другие меры результата не дадут.

— Вы завтра чрезвычайное положение объявите — что дальше? Вы хоть спрогнозируйте на день, на четыре шага — что дальше? Страна отвергнет, она не поддержит эти меры. Вы хотите сыграть на трудностях, на том, что народ устал, что он готов поддержать любого диктатора... Вы погубите самих себя, ну, это черт с вами, это вы сами, ваше дело... Страну погубите, — пытался убедить своих незваных гостей Президент.

Он предупреждал против чрезвычайных мер правления, которые означали бы отказ от демократических преобразований и привели бы к насилию и крови.

— Тогда подавайте в отставку, — настаивали визитеры.

Ответ был прям и ясен:

— Этого вы от меня не дождетесь!..

Так еще не развившийся путч (дело было вечером 18-го, а о самозваном комитете объявили утром следующего дня) испытал первый сильнейший удар.

С тем разговорчики и отбыли восвояси — в Москву.

Вернемся сюда и мы, чтобы продолжить наш рассказ о 19 августа.

«ПОЧЕМУ ВЫ НЕ НА СВОИХ МЕСТАХ?»

Собралось правительство города.

Я вошел в зал, где мы всегда заседаем, и не мог скрыть удивления: члены правительства сидели на стульях, отводимых для приглашенных, а за длинным столом, который всем нам предназначался, было пусто. Я подошел к нему и открыл заседание не так, как обычно:

— Почему вы не на своих местах? Я являюсь вице-мэром, исполняю обязанности мэра в отсутствие Гавриила Попова.

Мы продолжаем выполнять свои функции, мы не позволим никому нас разогнать. Поэтому прошу членов правительства немедленно занять положенные места. Пусть каждый с учетом своих взглядов определит, с кем он в это труднейшее время. Позиция Ельцина и моя позиция вам известны. Мы не признаем никакого чрезвычайного комитета, никакого военного коменданта Москвы. Управляет городом мэрия, только ее распоряжения имеют силу, прошу тут не ошибиться.

На заседании правительства, в котором участвовали не только префекты, но и супрефекты муниципальных округов, особых вопросов ко мне не возникло: слова о незаконности чрезвычайного комитета, отказе выполнять его приказы встретили спокойно, с одобрением. Без прений согласились в том, что надо всем нам продолжать заниматься хозяйственной работой, естественно, получившей особую направленность.

Девять миллионов москвичей по-прежнему нуждались в хлебе, молоке и других продуктах, мы не собирались закрывать метро, прекращать движение городского транспорта. Правда, поступали сообщения, что в ряде мест фургоны с хлебом не могли добраться до магазинов — останавливали военные. Запрещен был проезд в центр троллейбусам и автобусам.

Опасность сбоев в обеспечении города существовала, к тому же начался ажиотаж с закупками хлеба, соли, спичек, мыла, муки. Важно было обеспечить и увеличить их доставку, чтобы совсем не опустели полки и не началась паника. Отдам должное шоферам: большинство из них, вслух и про себя проклиная «чрезвычайников», ухитрялись вопреки запретам пробираться к магазинам, и километровые очереди нигде не возникли.

Была еще одна преграда для транспорта — баррикады.

Еще до обращения мэрии москвичи, прежде всего молодежь, стихийно стали устраивать завалы.

Ареной основных событий суждено было стать известному московскому району — Красной Пресне, где во время революций 1905 и 1917 годов происходили вооруженные столкновения, — здесь теперь расположен «Белый дом», вокруг которого и поднялись первые баррикады. Затем они появились на различных магистралях, где, судя по отнюдь не официальным источникам информации, могли двинуться танки.

В середине дня у меня собрались руководители стройкомплекса, комплекса городского хозяйства, других отраслей. Снова повторил:

— Единственная власть в городе — мэрия, только ее указания имеют законную силу.

Обратился к своему заместителю — Борису Никольскому:

— Ремонт дорог не прекращайте — пусть все видят нашу уверенность. Да и можно представить, что натворят с асфальтом танки...

Дороги — мое «болезненное место»: мы дали обещание москвичам привести, наконец, в порядок, хорошо заасфальтировать улицы, и размах работ нарастал, результаты стали заметны. А тут такое обычное дело приобрело вдруг особое значение.

ЗАГОВОРЩИКИ ИЩУТ СОЮЗНИКОВ

Вернусь к событиям начала дня, чтобы рассказать о Борисе Никольском. Его вызвал первый секретарь горкома КПСС Прокофьев, предложил пост премьера правительства Москвы и получил решительный отказ. Забегая вперед, скажу йотом, как утром следующего дня, 20-го, Прокофьев снова ему позвонил и снова получил отказ. «Больше мне не звоните», — потребовал Никольский в конце короткого разговора.

Не захотел он, отличный организатор, знающий специалист, честный человек, вернуться в лоно партаппарата, воспитывавшего его годами и так и не воспитавшего. Секретарь райкома партии, секретарь Московского горкома, второй секретарь ЦК Компартии Грузии, Борис Никольский после трагедии в столице этой республики — Тбилиси, когда во время мирной манифестации по вине военных погибли люди, закончил там свою парткарьеру и вернулся в родной город, став заместителем председателя Московского городского комитета по планированию. Ни долголетняя работа в КПСС, ни огульные обвинения в якобы виновности в расправе над мирными демонстрантами в Тбилиси не поколебали моей в нем уверенности, и я с чистым сердцем предложил ему работать со мной в правительстве Москвы, когда оно создавалось, отстаивал его кандидатуру при утверждении. Рад, что не ошибся.

Напрасно Прокофьев звал Никольского идти с ним по дорожке, проторенной партийными бонзами. Честные люди любых воззрений отвергли коммунистическую хунту сразу и бесповоротно. В самые трудные часы ретивый секретарь горкома, возмнивший себя снова на коне, увидел, что он не имеет власти над душами и жизнями людей.

Борис Никольский знал, чем грозило ему его твердое решение, если бы банда партаппаратчиков хотя бы ненадолго удержалась у власти.

Сотрудничать с заговорщиками подавляющее большинство отказывалось. Это приближало их конец.

Люди, с которыми я работаю, — разные: не все мне нравятся, не всем нравлюсь я. Кое-кому не по сердцу твердость в руководстве городом, которую могут счесть злом, а не благом. Тем не менее я всюду в эти дни встречал только союзников, открыто говоривших мне:

— Вы можете мной распорядиться днем, ночью, когда угодно, сейчас, немедленно.

Так думали, поступали и руководители, и целые коллективы, недвусмысленно заявившие о своей поддержке законной власти в Москве, в России.

Но однажды я получил от ворот поворот. В ночь с 20-го на 21-е около трех часов позвонил заместителю директора Филевского автобусно-троллейбусного парка (замечу: заму по кадрам) и поставил задачу вывести технику для перекрытия Калининского моста, что рядом с «Белым домом». Последовал отказ. Позвонил вторично, предупредил, что он говорит с вице-мэром Москвы и что обязан выполнять все мои указания. Снова отказ. Затем меня попросили дать официальную телефонограмму. Я чертыхнулся, но необходимый текст продиктовал. В конце концов все сделали и в этом случае, но время для заграждения моста могло быть упущено. К счастью, успели...

Вечером 19-го должен был открыться Конгресс соотечественников — русских эмигрантов, приехавших со всех концов мира. Нетрудно представить состояние наших гостей, чьи предки или они сами бежали от коммунистических правителей и, приехав теперь, увидели танки на улицах.

Мы решили подготовить приветствие мэрии конгрессу. Писал его и оглашал Александр Музыкантский, заместитель премьера правительства, префект Центрального административного округа.

— Вхожу в Концертный зал имени Чайковского, — рассказал он позже, — и застаю грустное зрелище: вокруг царит полное уныние. Начал читать приветствие мэрии Москвы. После первых строк у присутствующих пробудился интерес, потом — глубочайшее внимание и после слов о том, что мэрия не признает хунту, что мы одержим победу, что демократию не остановить, — гром оваций.

Часть собравшихся, и немалая, хотела побыстрее покинуть Москву, отправиться домой, но наша уверенность передалась сердцам — уехали единицы, сотни же соотечест-

венников пошли на баррикады к «Белому дому». Пожилые люди оставались там всю ночь, они принесли с собой еду защитникам, убеждали солдат не стрелять в своих. Лишь 22-го, когда три дня путча были уже позади и он потерпел крах, телевидение осмелилось пропустить на экраны все подробности того вечера.

Все это, наверное, останется самым ярким воспоминанием наших зарубежных гостей.

НЕ НАДО ОХРАНЯТЬ!

20-е августа стало самым опасным днем из всех трех: угроза штурма к ночи достигла своей высшей отметки. Кажется, воздух был до предела насыщен парами бензина, стоило мелькнуть искре, чтобы все в городе запыхало.

Я преклоняюсь перед москвичами, ставшими на защиту правого дела, а также узнаю все больше фактов о том, что в столицу, к «Белому дому» приехала молодежь из многих городов России, республик Закавказья, Средней Азии, Украины, Белоруссии.

Сила противостояла силе. У одних было оружие, но не было веры. У других были лишь вера и надежда, и они победили: «вывели из строя» самые надежные, как считали горе-стратеги, части. Народ и армия, ее солдаты, офицеры стали не лицом к лицу, а плечом к плечу.

Телевизионная программа «Время» в подробностях продемонстрировала сценки братания москвичей с солдатами, сопровождая это слюнвявыми разглагольствованиями о полнейшей поддержке народом армии, наконец пришедшей в столицу навести чрезвычайный порядок. Да, было братание, была поддержка. Но поддерживали не заговорщиков, а выбранную всем народом законную власть, Президента России. То были не выборы, как 12 июня 1991 года, когда состоялось голосование — избирали Президента республики, мэра и вице-мэра Москвы, а Выбор, единственный и непреклонный. Партаппаратчики вкупе с генералами-изменниками и тайными палачами КГБ, решившие снова прорваться к власти, теперь, поправ порядок, законность, снова, как и в то радостное летнее воскресенье — при выборах — оказались разбитыми наголову. Народ, демократия и теперь одержали победу.

Армия... О ней особый разговор.

Около трех часов дня 19-го я увидел, что здание мэрии оцепили солдаты. Танки на Тверской стояли и раньше.

Вызвал генерал-лейтенанта Н.Зимины, распорядивше-

гося здесь, сообщил ему о позиции Президента России, мэрии.

Смысл нашего разговора передают три реплики.

— Товарищ премьер, мне все ясно.

— Что вам ясно?

— Я ухожу.

Наверное, это была первая военная победа, одержанная демократами в те августовские дни.

Не намерен приписать ее себе. Военные — от солдата до генерала — к тому часу уже поняли, что не против них, а против заговорщиков поднялась Москва. Трудно предположить, как бы развивались события, сколько бы они длились, не появив танки в городе. Воистину нет худа без добра.

Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы сохранялось оцепление мэрии, чтобы людей, к нам шедших, поворачивали назад. Дом на Тверской стал 19-го центром практического руководства сопротивлением. Все мы знали, что наши телефоны прослушиваются, и поручения давались мною, депутатским штабом, возглавляемым Юрием Шарыкиным, только при личных встречах.

Приведу подробности нашего разговора с генералом Зиминым — они важны для анализа поведения военных.

— Вы понимаете, что все происшедшее незаконно? — спросил я его.

Молчит, чувствую, соглашается (в те дни понимание собеседников обострилось до предела).

— Вы вот пришли нас охранять. От кого?

— Ну как от кого — от всяких там хулиганов.

— Нас никогда от москвичей не охраняли, — продолжаю разговор. — На нас никто никогда не нападал и нападать не собирается. Вы же знаете, что происходит в городе.

И комично (сегодня) и драматично, трагично (тогда)...

— Категорически требую, чтобы танки и десантники немедленно ушли, — закончил я эту беседу.

Через сорок минут оцепление было снято.

КАК Я ПРОИГРАЛ ПАРИ

С утра 19-го, как только появилась возможность, стали налаживать контакты с военными.

Начали с того, что Шахновский отправился с Обращением Президента России и нашим в самое «логово» — к руководителям Московского военного округа.

С ними у нас раньше складывались не всегда ровные отношения, в последние месяцы, правда, заметно потеп-

левшие. И вдруг все перевернулось: мы стали по разные стороны баррикад — командующий округом генерал-полковник Калинин был назначен комендантом города. Некоторое время назад мы с Гавриилом Поповым побывали в управлении округа, провели там несколько часов, договорились о контактах, взаимодействии. В ту пору состоялись и встречи с министром обороны маршалом Язовым (о них расскажу позже).

Войска, находящиеся в городе, очень нуждаются в нашей помощи, хотя сам по себе факт пребывания их в столице и рядом с ней в таком количестве является, наверное, единственным в цивилизованном мире. Части и соединения, различные академии, учреждения, склады, перевалочные базы — своего рода милитаризация — отнюдь не украшают наш город. Тем не менее повторяю: военные нуждались и, подчеркну, нуждаются в помощи мэрии — это касается предоставления им муниципальных квартир и многого, многого другого, что требуется для человеческого обустройства и чего зачастую лишены люди в военной форме.

Итак, Василий Шахновский прибыл к Калинин у и заявил ему от имени мэрии о непризнании коменданта, незаконности приказов хунты и ответственности за их выполнение, потребовал вывести войска из города. Напомню, это было в середине дня 19-го.

В комнатах управления царил нервная суета. Ситуация была опасной. И все-таки военные пальцем не тронули нашего посланца, известного им в качестве одного из основных организаторов отпора хунте. Кстати замечу, резиденция Калинина находится на территории избирательного округа, где баллотировался в депутаты Моссовета Шахновский, так что он приехал к своим избирателям.

Судя по всему, генерал очень удивился нашей уверенности, и это удивление, перешедшее вскоре в неуверенность, наложило на его действия заметный отпечаток...

Не сочтите это бахвальством, но вечером 19-го поспорили мы с депутатом Сергеем Черняком на традиционную бутылку кефира. Я считал, что хунта продержится 7—10 дней, Сергей давал ей 5—6. К счастью, молодой демократ оказался к истине ближе, и пари я проиграл.

На прощание генерал обещал депутату, что ни один патрон не вылетит из ствола, что кровь в Москве не прольется.

— Вы должны сделать выбор, генерал, — сказал Шахновский.

Следующий день показал, каков выбор Калинина: он предстал перед москвичами на экране телевизора в про-

грамме «Время» с сообщением о введении комендантского часа.

Отсутствие собственной позиции, недопустимое для человека вообще, а для военного такого ранга особенно, бездумное выполнение преступных приказов обернулись его личным крушением. Зато какую моральную победу одержали те, кто сделал свой выбор в пользу закона, демократии.

Армия давно уже не была единой. Путч превратил трещину в разлом.

Вечером 19-го вернулся из Кыргызстана наш мэр Гавриил Харитонович Попов. Тогда мы еще были «лучшего» мнения о хунте и, волнуясь за мэра, постарались обеспечить его безопасность. В аэропорт «Внуково» отправились шесть машин: встречающие и бывшие сотрудники охранного управления КГБ, перешедшие на службу российскому правительству. Пятью минутами раньше приземлился самолет с одним из членов политбюро ЦК КПСС, которого тоже ждала охрана. Годы работы перезнакомили молодых ребят, и те, кто оберегал коммунистического начальника и ничего не знал о прибытии мэра, обрадовались своевременной «подмоге», деловито поинтересовались:

— Вы нас будете сопровождать?..

По дороге Гавриил Харитонович Попов рассказал, что днем встретился с Президентом Кыргызстана А.Акаевым. Оценка хунты была однозначной, и вскоре руководитель этой республики выступил с решительным осуждением заговорщиков.

МАРШАЛ ЯЗОВ ДЕЛАЕТ СВОЙ ВЫБОР

В ночь на 20-е несколько групп депутатов отправились с особой миссией по Москве: останавливались у военных колонн, говорили с солдатами, и крепла уверенность, что стрелять в народ не будут.

Армию — не генералов-заговорщиков, а солдат, офицеров — снова, в очередной раз «подставили», рассчитывая, что кровавые уроки городов Тбилиси, Баку, Прибалтики никого и ничему не научили. Это был уже не сговор, как случалось прежде, партаппаратчиков с кучкой генералов, а их откровенный заговор.

Командиры чувствовали колебания солдат, настроение передавалось словно по цепочке.

Один из солдат рассказал депутатам:

— Подняли в час ночи, потом отбой, снова подняли в пять

утра, пошли, поставили на улице — никакой задачи, никаких объяснений...

Солдат и офицеров годами, десятилетиями политически оболванивали, развращая души, требуя бездумного выполнения самых абсурдных приказов, унижая достоинство, прививая рабскую психологию подчинения идеологии господствующей коммунистической партии, точнее, ее вождей. Ни одна армия цивилизованного мира не знает такой грубой и вместе с тем изощренной пропагандистской обработки. В жизни нашего общества за шесть лет перестройки это ушло в прошлое, в армии же изменилось немного: там власть партии по-прежнему оставалась тотальной. Получилось так, что злоумышленное решение, принятое на ее верхних этажах и повлекшее за собой кровь на улицах, автоматически втянуло в эту мясорубку всех, вплоть до желторотых новобранцев, никого не разделяя на честных и бесчестных, правых и виноватых.

Давно было пора нам включить в Конституцию положение: армия не должна участвовать в политической борьбе и использоваться против народа. Давно пора было раз и навсегда освободить всех — от маршала до солдата — от обязанности подчиняться противоправным приказам, а тех, кто их отдает и выполняет, привлекать к уголовной ответственности. Об этом прямо должно быть сказано в тексте присяги и уставах, где, кстати сказать, положения о руководящей роли компартии оставались в неприкосновенности, хотя известная статья Конституции СССР, провозглашавшая ее верховенство в стране, была отменена.

Нельзя превращать армию в заповедник отживших нравов и держать ее на задворках обновляющейся жизни. Если мы не проведем в ней решительных изменений (кадровые осуществить не так трудно), то не освободим ее от всего старого, что может не раз еще дать о себе знать...

Я знал маршала Язова и убежден, что его назначение министром было не случайным шагом. По «раскладке» политбюро ЦК КПСС, до путча все еще продолжавшего фактически управлять страной, для поста министра обороны лучше всего подходил немощный старец, обязательно с наградами, полученными в молодости за участие во второй мировой войне. Не надо быть ему лидером, не требуется ему и активность. Так наивно искали гарантию от каких-либо неприятностей со стороны армии. Наивно, ибо такие люди легко становятся игрушкой в руках преступно активных. Инертный, апатичный Язов, наверное, доставил немало хлопот заговорщикам, когда они старались втянуть его в свою компанию.

Язов не хотел да и не смог бы справиться с трудностями, переживаемыми армией. Ее разъедали пьянство, произвол командиров, издевательство сильных над более слабыми. Она постепенно становилась пугалом, и матери попросту боялись отдавать туда сыновей. Язов так ничего и не сделал ради превращения армейской жизни в человеческую. И личный авторитет его был невелик.

Для оценки Язова очень подходят слова, когда-то произнесенные им с экрана телевизора: «Где, в какой стране неграмотный мужик может стать министром обороны». Понимаю, что оговорка (хотел сказать, что простой крестьянский сын вырос до государственного мужа), но не могу не вспомнить столь меткую самохарактеристику. Слово, как говорят, не воробей: вылетит, не поймаешь.

У меня с Язовым было немало встреч. При самой последней, за неделю до путча, я с удивлением увидел его, выходящим из кабинета премьера Павлова. Министр обороны обычно сюда не ездил.

Наши с Гавриилом Поповым попытки установить контакт с Язовым наткнулись на его упорное нежелание признавать «новую Москву», где на выборах победили демократы.

Незадолго до путча мы просили министра обороны, чтобы армия приняла участие в уборке урожая в Московской области, причем традиционное бесплатное «шефство» заменили хорошим заработком. Офицерам было обещано по пятьдесят рублей в день, солдатам — по двадцать пять, из которых пятнадцать шли бы на сберкнижку, пять — на питание, пять — на улучшение быта в казармах (мы обещали помочь купить телевизоры, магнитофоны, музыкальные инструменты). За два года службы солдат (далеко не у всех состоятельные семьи) скопил бы и привез домой около полутора тысяч рублей. При нынешних сложностях в министерстве обороны с финансами схватиться бы за наше предложение. А что услышали мы в ответ? «Солдатам платить? Не-ет!..»

Очень не хотелось Язову, чтобы мэрия, «эти демократы» выглядели по-доброму, по-человечески в глазах солдат. Кстати сказать, побоялся он и установления дружелюбия, благожелательности между москвичами и воинскими частями.

Новый министр обороны Е. Шапошников, назначенный после провала путча, и руководство министерства сразу приняли наши предложения...

Министр Язов отдал приказ ввести войска в столицу, командующий Московским военным округом Калинин его выполнил.

Калинин, хотя и тугодум, но умен, спокоен, хорошо знает армейскую работу. Справедливости ради отмечу, что он не очень-то активно выполнял все команды. Но ввод войск, блокирование «Белого дома», мэрии, редакций газет и других мест шло все-таки по его приказу. Тут ни убавить, ни прибавить. И он вводил комендантский час.

Итак, армия вошла в город. Грустное это было зрелище — появление войск в мирной столице.

Вскоре мне доложили, что один танк потерял гусеницу, второй опрокинулся в кювет, у третьего полетел карданный вал, четвертый сам по себе загорелся... Что-то происходило случайно, а что-то, думаю, по умыслу людей, не испытывавших никакого желания воевать с мирным населением.

У меня состоялось с генерал-полковником Калининым несколько разговоров.

Утром 19-го я позвонил ему и потребовал:

— Немедленно отведите войска! Мэрия не признает никакого военного коменданта.

Вечером:

— Применение оружия должно быть запрещено, войска выведены.

Вечером 20-го, после объявления в телевизионной программе «Время» комендантского часа, я был уже в «Белом доме» и звонил из кабинета Ельцина.

Полковник-порученец отказался соединить с генералом, ссылаясь на его занятость. Тогда я продиктовал телефонограмму: мэрия Москвы не признает комендантский час, считает его провокацией.

Еще днем 20-го, слушая сетования Калинина по поводу того, что ничего не в силах предпринять, что он только исполнитель (это командующий-то столичным округом, генерал-полковник), прямо сказал ему:

— У вас есть возможность сделать выбор. Примите решение о выводе обманутых войск, прекратите оккупацию города. Вы перед всеми, перед детьми своими будете выглядеть человеком. У каждого должен быть свой момент истины...

ШЕФ ТЕЛЕВИДЕНИЯ И РАДИО ЛЮБИТ БАЛЕТ «ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

Нелегкое это испытание — момент истины. Наверное, можно прожить долгую жизнь и избежать той труднейшей минуты, когда остаешься наедине с собой, своей совестью и делаешь решающий выбор. Но у каждого своя судьба. Не берусь мерить всех одной меркой.

Не возьмусь судить бывшего начальника телевидения и радио Леонида Кравченко, скажу только, что сам себя он называл прагматиком. Просто перескажу разговор с ним, состоявшийся 20-го, во вторник, когда москвичи привыкли смотреть телепередачу «Лицом к городу» — перед ними выступали представители городской власти.

Я так уговаривал его дать нам с Гавриилом Поповым слово, что, по моему мнению, из камня можно было выжать слезу.

— Не могу пригласить вас в студию, — услышал я в ответ, — мне запрещено, вы же знаете, какой режим у нас установлен.

— Пусть приедут к нам в мэрию и здесь возьмут интервью.

Вдохновляло меня то, что накануне, 19-го (после показа целый день балета «Лебединое озеро»), совершенно неожиданно в программе «Время», вопреки всему тому, о чем в ней шла речь, на экране перед «Белым домом» появился Борис Николаевич Ельцин, с танка оглашающий Обращение руководителей России к народу и призывающий к всеобщей и бессрочной забастовке.

Преклоняюсь перед теми, кто взял на себя смелость снять такой «сюжет» и, главное, под свою ответственность выпустить его в эфир. Знаю, что выводы в отношении их были сделаны незамедлительно: последовали увольнения, дальнейшее же зависело от степени кровожадности хунты. Но глоток свежего, бодрящего воздуха миллионы людей получили.

— Меня уволят, если я вас с Поповым выпущу в эфир, — плакался Кравченко.

— Вы неделю пробудете без работы, — продолжал я его уговаривать, — а потом, когда восстановят законную власть, ваш благородный поступок не останется забытым — вы с триумфом вернетесь. Вы называли себя человеком Горбачева, останьтесь таким до конца, докажите свою преданность...

Телевизионная группа наконец приехала в мэрию, и мы с Поповым в течение 31 минуты предельно ясно изложили свою позицию.

Вечером в его кабинете уселись перед телевизором, ожидая, что наши интервью дадут представление о положении в Москве, помогут многим людям, включая немалое число руководителей, четче разобраться в ситуации.

Надо ли говорить, что ожидания оказались наивными.

Появились мы с Поповым на экране лишь сутки спустя, когда путч провалился, все было ясно, в том числе и с самим Леонидом Кравченко: он был уволен.

В те три судных дня не было ни времени, ни желания копаться в личных переживаниях (да и теперь это ни к чему), лишь ловил изредка свое странное состояние: казалось, что все происходит не со мною, а с кем-то другим, и я холодным взором, с любопытством даже оглядываю происходящие события и себя в их череде.

Уже говорил о том, что с первых часов переворота у меня, товарищей по мэрии не было сомнений в его оценке — великодержавный коммунистический путч, наглое покушение на законную власть. Эта позиция стала твердой основой чувства, мыслей, действий.

Опорой была и решительность окружающих, прежде всего Гавриила Попова, Бориса Ельцина, заметно в последнее время прибавившего свой потенциал как политика (организатором он всегда был отличнейшим, хотя приехал из Свердловска, где до того был первым секретарем обкома КПСС, в Москву с несколько идеалистической оценкой своих возможностей улучшить все и разом).

Да, не было у меня страха и была спокойная уверенность... В прошлом, когда работал генеральным директором крупного научно-производственного объединения, для меня лучшим временем года становился декабрь: план давит всей своей тяжестью, все кипит, стыки дел вдруг разваливаются, надежды и тревоги ураганом проносятся по предприятиям, научным коллективам, и решения надо принимать быстрые, четкие. Любил я тогда декабри.

БИРЖИ ПРЕКРАЩАЮТ ОПЕРАЦИИ - ЗАБАСТОВКА

19-е... 20-е... 21-е...

Каждые сутки имели для меня свой смысл, по-своему запечатлелись в памяти.

Гора свалилась с плеч, едва узнал 19-го вечером, что Гавриил Попов вернулся из Кыргызстана, прибыл в «Белый дом» и вот-вот появится у нас на Тверской, в мэрии.

19-е (о нем я уже рассказал достаточно) кончилось для меня часам к двум ночи — вернулся домой.

Жена ждала, беспокоилась за меня. Поддержка друг друга особо ценится, когда опасность рядом.

С семи утра 20-го начался второй день в мэрии.

У меня собрались заместитель премьера, префект Центрального округа Музыкантский, управляющий делами мэрии Шахновский, руководитель департамента мэра Савостьянов, другие.

Начали планировать работу на день: задачи — не дать войскам заблокировать мэрию, использовать все возможности для строительства баррикад у «Белого дома» и на магистралях, где могли появиться танки, наладить питание защитников баррикад, возобновить работу закрытой путчистами демократической радиостанции «Эхо Москвы», попытаться пробиться на телевидение (чем попытка кончилась, рассказал уже), усилить пропаганду среди солдат и офицеров, в подавляющем большинстве не ведавших о том, зачем их пригнали в Москву. Напомню, что даже разрешенное хунтой телевидение не могло скрыть этого — на телеэкране солдаты разводили руками, когда репортеры спрашивали их о поставленных перед войсками целях.

Нельзя было допустить сбоев в подвозе продуктов в магазины, в энергетическом, водопроводном, других хозяйствах. Прозвучавший призыв к забастовке к ним не относился. Просили мы не бастовать и строителей, занятых сооружением домов, школ, больниц. Те — ни в какую.

Прекратили операции Московская и Российская биржи. Подобных фактов немало, но тем не менее забастовка в городе не стала всеобщей. Тому есть свои объяснения.

То, что среди москвичей практически не было заблуждения насчет замыслов заговорщиков, — это бесспорно. Проклинали их повсюду вслух и про себя не только искушенные в политике, но и самые так называемые простые люди. Тысячи и тысячи, прежде всего молодежь, предпочли действие — вышли на баррикады.

Любой решительный шаг хунты вызвал бы взрыв огромной силы. Это путчисты понимали. Потому чаши весов колебались в неустойчивом равновесии в течение второго дня — 20-го. Не сомневаюсь, крайние меры хунты, террор заставили бы москвичей использовать свое главное оружие — всеобщую бессрочную забастовку.

Думаю сейчас о крупных коллективах, прежде всего о любимом москвичами гиганте — автомобильном заводе имени Лихачева. Здесь парткомам (у горкома КПСС руки еще были длинные), администрации удалось навязать свою волю и не позволить активно выступить на стороне законной власти.

В Москве много предприятий военно-промышленного комплекса, долгие годы, десятилетия, находившихся в привилегированном положении, хорошо в сравнении с другими зарабатывавших. Конверсия военного производства, переход в связи с разоружением на мирную продукцию далеко не везде проходили гладко, безболезненно. Это не могло не породить со стороны рабочих предприятий, тем более руко-

водства, отрицательного отношения к новациям перестройки, демократическим переменам в обществе. Под влиянием руководителей старого закала эти коллективы заняли во время путча пассивную позицию, выжидали. Отрадно, что после провала путча там все-таки задумались о происшедшем, о себе, будущем своем и страны. Им, как и всем, нужна демократия, и демократии нужны они. Теперь это становится ясно все большему числу людей, освобождающихся от оков прошлого.

Пусть каждый разберется сам с собой и до конца определит свою позицию. Испытания для всех нас не кончились. Любые незаконные действия, любые, даже самые незначительные попытки ограничить завоеванную свободу должны вызывать острую реакцию коллективов, их руководителей.

Отношение депутатского корпуса, префектур к путчу было повсеместно однозначным с самого его начала: переворот незаконен. Однако...

Один председатель райсовета на телефонограмме мэрии, дававшей политическую оценку заговору и призывавшей к забастовке, наложил начальственную резолюцию: «Пока не исполнять». Потом говорил, что вроде бы не хотел усугублять обстановку. Действия хунты, «усугубившей обстановку», видимо, выглядели в его глазах абсолютно соответствующими текущему моменту. Большого хунте и не требовалось — если бы москвичи решили «не усугублять», плохо пришлось бы всем. К счастью, этого не случилось. Считаю, что такие деятели полностью потеряли доверие, авторитет.

На баррикадах была вся Москва: рабочие вместе с интеллигентами, студентами, старшие школьники, молодежь вместе с пожилыми, многие из которых надели ордена, полученные во вторую мировую войну. Блестяще показали себя ребята, прошедшие Афганистан.

Отдадим должное депутатам Моссовета и райсоветов, Московскому объединению избирателей, общественному движению «Демократическая Россия» — они находились во главе народного сопротивления, организовывали отпор, смело шли в воинские части, неся туда слово Москвы.

Подчеркну, именно в нашем городе разыгрался решающий бой, и теперь, когда встречаюсь с теми, кто приезжает из других мест, где было спокойно, дивлюсь, увы, нередко непониманию происшедшего в столице.

НАС ХОТЯТ АРЕСТОВАТЬ

Вместе с Борисом Ельциным душой сопротивления Москвы стал и Гавриил Попов.

Демократический мэр города, профессор, интеллигент до мозга костей (таких Ленин называл гнилыми) был в те дни образцом спокойного мужества, уверенности, деловитости, соединил в себе политического трибуна с неутомимым организатором и одновременно много и полезно работал с Борисом Ельциным.

С первых часов путча между «Белым домом», созданным там комитетом обороны и мэрией установилась непрерывная связь. Военные и невоенные, входившие в этот комитет, действовали четко, с полным пониманием обстановки, и мэрия сразу принимала все их команды.

Когда мы с Поповым получили из разных источников информацию о том, что нас собираются в три часа ночи с 20-го на 21-е арестовать, стали обдумывать различные варианты поведения. Обсуждали без эмоций.

Под вечер 20-го всерьез раздумывали, где и каким образом нас могут арестовать: в мэрии или дома, вместе или порознь, как вести себя. Арест дома отвергли сразу — это нанесло бы глубочайшую травму близким. А в сумрачном дворе, переулке без свидетелей легко было бы устроить «попытку к бегству» со всеми вытекающими последствиями. Мы не заблуждались насчет нравов хунтарей.

В конце концов решили оставаться в мэрии. Арест здесь проходил бы на глазах людей, до пресловутых арестантских машин — «воронков» — нас бы сопровождали десятки взглядов, а там дальше за нас «отвечала» бы хунта. Почему-то это вселяло некоторую надежду, хотя теперь, при здравой оценке, такие утешения выглядят не более, чем самообманом.

Впервые мы, знающие об арестах, ночных стуках в дверь лишь по книгам Солженицына, Шаламова, Гинзбург, Рыбакова, рассказам старших, наяву слышали скрежет сталинской машины репрессий, которая вновь грозила стране. Наверное, никто даже за день до разыгравшейся трагедии не предполагал, что истории суждено сделать еще один виток, и не дедам и отцам, а нам самим выпадет выбор — склонить или не склонить головы перед красным террором.

Впрочем, выбор мы сделали раньше и доказали это, когда не уступили в противостоянии 28 марта — в день репетиции, устроенной невидимой еще народу хунтой, впервые во время митинга демократов посмевавшей наводнить город военной техникой, десятками тысяч вооруженных «право-

охранителей». Свернуть со своего пути мы не могли себе позволить, ибо это означало моральное самоуничтожение.

Уверен, что так или почти так подобный диалог с собственной совестью вел каждый, кто решил активно сопротивляться...

Около девяти вечера мы получили срочную и настоятельную рекомендацию «Белого дома» — немедленно переехать туда, к ним: обстановка стала резко обостряться.

Решили отправиться не на своих машинах, а в небольшом автобусе и в сопровождении группы из отряда милиции особого назначения.

Собрались быстро, предварительно договорившись с Гавриилом Поповым, что захватим мою жену (иначе я бы не поехал — оставлять ее дома было нельзя). «Давай заберем», — спокойно сказал он, будто мы идем в театр.

В тот вечер я впервые близко столкнулся с этим особым отрядом милиции и воочию убедился и в доброжелательном к нам отношении, и в высоком профессионализме. Ребята не дрогнули, хотя понимали, что им хунта ничего не простит.

У моего дома — неожиданная картина: группа людей разгружала машину. Странное открылось зрелище: «рабочие» в костюмах и начищенных ботинках неумело ворочали кирпичи, хотя был поздний вечер и никакого строительства во дворе, насколько я знаю, не предполагалось.

Едва автобус остановился, наши телохранители с автоматами вмиг оказались на улице и блокировали все подходы.

Жена ждала в подъезде, захватив с собой еду, что впоследствии оказалось очень кстати. Мы нырнули в автобус, машина тронулась, и «грузчики» (конечно, это были «опекавшие» мой дом сотрудники госбезопасности) буквально растворились во мгле, как и положено нечистой силе, окопавшейся в печально известном КГБ.

Неподалеку от зоопарка остановились. Дальше проехать было нельзя — заграждения и на дальних подступах опоясывали «Белый дом». Ребята с автоматами взяли нас в кольцо, и вся процессия быстрым шагом устремилась вперед.

На баррикадах узнали мэра Гавриила Попова и нас как бы передавали из рук в руки под возгласы: «Попов с нами!», «Мужики, Попов идет!», «Ура!». Все это запомнится надолго, на всю жизнь: драматизм момента и щедрость признания, доверия москвичей. Оказалось, что в тот момент меня видел родной брат (он младше меня почти на два года), пришедший на баррикады. Узнал об этом позже, спустя несколько часов, когда позвонил Сергею и попросил успо-

коить мать, сказать ей, что я жив и здоров. Попросил еще захватить ко мне домой и увезти из квартиры моего восемнадцатилетнего сына.

— Сашка полностью на твоей ответственности, — предупредил я. Тогда-то он и рассказал, что видел, как мы шли в «Белый дом».

— Что же не окликнул?

— А чего окликать? Взять меня с собой ты не мог, да я бы и не ушел с баррикад. Тебе тут оставаться тоже ни к чему... И так нельзя, и так. Да и шли вы очень быстро, останавливаться было опасно. Всяких провокаторов тут, думаю, хватало...

У ворот «Белого дома» сопровождающие попрощались с нами. Имена их остались мне неизвестными.

СПИСОК САМОУБИЙСТВ ПРОДОЛЖАЕТ РАСТИ

Я часто вспоминаю теперь добрым словом ребят из милиции, проводивших нас к «Белому дому».

И в те дни, и сейчас о милиции можно услышать разное: идут споры о ее позиции 19—21 августа. Если коротко, то свое личное мнение я определяю так — пристойно. Не достойно, а именно пристойно.

Москвичи знают, что в свое время депутаты Моссовета, Мосгорисполком, потом мэрия вели борьбу за то, чтобы милиция в городе подчинялась нам, а никак не союзному МВД. Оно сопротивлялось, отвергнув и интересы дела, и просто здравый смысл. Совершенно ясно: соображения были только политические — тот, кто руководит милицией, держит ключ от города. Убежден, что это была позиция не министерства или самого министра Пуго, а его наставников — руководящих чиновников коммунистической партии, которым он служил (натура-то цельная) верой и правдой.

Начальник московской милиции, в прежние годы занимавший две должности, скорее был заместителем союзного министра, чем руководителем городской организации, хотя довольно умело демонстрировал свою приверженность Москве. Сменивший его незадолго до путча генерал, прошедший все ступени милицейской карьеры и уважаемый подчиненными, старался повернуться лицом к городу, хотя служить-то приходилось нескольким ведомствам: союзному и республиканскому министерствам, горкому КПСС, да и КГБ не упускало своего.

19-го генерал был назначен заместителем военного коменданта Москвы. Приказы сыпались на него со всех сторон, и он предпочитал, насколько это возможно, отстраниться от всех них и в результате никому не сумел угодить. Мои указания он выслушивал внимательно, старался их по мере сил выполнять. Но незавидна участь человека, так и не нашедшего политического ориентира в трудный час, — он в любом случае терпит крах.

Жаль мне этого генерала — он достойный человек, но потерялся под градом противоположных указаний многоликого начальства.

Министр внутренних дел Пуго был совсем другим: рожденный в недрах КПСС, он остался ее верным солдатом до конца. 20-го днем люди, близко видевшие его, вспоминают о нем как о человеке, от всех дел отрешенном.

Когда Пуго поставили союзным министром, он понимал, что от него требуется: выполнять указания коммунистической партии. Пуго не понимал и не принимал нового, чем жило наше общество в последние годы — его коммунистические взгляды оказались законсервированными навсегда. На его совести могла оказаться кровь москвичей 28 марта, если бы противостояние демонстрантов и военных на улицах дошло до конфликта. Говорю это с полной убежденностью. Демократы — «возмутители спокойствия» — оставались его личными врагами.

Не знаю, возьмется, сумеет ли следствие изучать тонкости психологической драмы Пуго (следователи и в живые души не всегда проникают), но то, что его загадочной смерти сразу после путча предшествовал внутренний разлом, — очевидно.

На следующий день мне позвонили из МВД СССР и обратились к городским властям с просьбой устроить похороны их министра: от человека, еще не преданного земле, спешили отказаться.

Наверное, единственный, кто может пролить хоть какой-то свет на последние часы Пуго, это Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Но он умеет хранить исповедальное, только ему доверенное.

Известно лишь, что министр внутренних дел вроде бы совсем не к месту и не ко времени решил в дни путча подарить Русской православной церкви различные религиозные ценности, конфискованные ранее у преступников (это даже было показано по телевидению, что проницательные зрители не без оснований оценили как заигрывание с Патриархией). За экраном телевизора осталась последовавшая за тем долгая беседа, содержание которой, скорее

всего, останется покрытым мраком тайны. Только об одном узнало окружение министра: вернулся он после этой встречи успокоенным, словно проникшим в неведомые до того глубины духа, до конца оставался отрешенным от всех дел и никому никаких приказов не отдавал.

Смерть Пуго, твердокаменного коммуниста, одного из первых действующих лиц путча и вместе с тем одной из первых его жертв, открыла собой особый список. Вскоре расстались с жизнью маршал Ахромеев и управляющий делами ЦК КПСС Кручина, породив множество толков, вопросов без ответов или ответов, вызывающих все новые вопросы.

В последние годы стране было задано немало «загадок», которые, я убежден, нельзя объяснять, оправдывать лишь происками заговорщиков, чьи лица нам всем теперь известны.

Кровавая и загадочная череда событий началась в Сумгаите и Баку, продолжилась в Тбилиси и Нагорном Карабахе, Прибалтике. Кто принимал политические решения, развязывающие руки исполнителям противозаконных акций? Кто отдавал по этому поводу приказы и потом помогал замечать следы, тянувшиеся к очередным невинным жертвам? Кто брал на себя смелость и тяжкий грех приучать наше общество к кровопусканиям, как к дежурному способу решения политических, экономических, социальных, межнациональных проблем — по существу, торил дорогу к путчу?

Без честных, прямых ответов на эти и подобные вопросы, утопленные в словопрениях, пререканиях бесконечных и бесправных комиссий, не извлечь все августовские уроки и не обезопасить страну от тех, кто решится повторить пройденное.

Случайность ли, просто ли кокетство профессионального преступника или нечто большее, зловещее надо искать в словах шефа КГБ Крючкова, произнесенных в тюрьме перед телекамерой программы «До и после полуночи»: «Мы еще поработаем»? На кого же и как он собирался поработать, если принимать все за чистую монету?

Вопросы, вопросы, вопросы...

Вернемся, однако, к самоубийствам Ахромеева и Кручины. Ахромеев не был «рядовым» маршалом, он был ближайшим советником Президента. Ястребиные взгляды советника отлично знали в стране и за рубежом. Какие военные секреты, повесившись, унес с собой человек, по словам близко его знавших, не способный наложить на себя руки?

Это произошло поздним вечером 24 августа, в субботу.

А накануне утром, уезжая с дачи, он был, по свидетельству родных, бодр, весел, обещал внучке, вернувшись, погулять с ней. Днем дочь говорила с отцом по телефону, и его настроение не изменилось. Ночевать он, однако, не приехал. А утром позвонили и сказали, что Ахромеев скончался. Обнаружил это человек, обходивший кабинеты в Кремле и увидевший, что дверь к маршалу приоткрыта.

В одной из предсмертных записок (их было несколько) говорилось, что он не может жить, когда гибнет Отечество и уничтожается все, что он всегда считал смыслом жизни, и что возраст и прожитое дают ему право уйти из жизни, что он боролся до конца. И дата: 24 августа.

Финал этой драмы таков. Вскоре после похорон на Троекуровском кладбище могила была разрыта, гроб вскрыт, маршальский мундир с покойного снят и похищен (на черном рынке иностранцы платят за такой мундир 10 тысяч долларов).

ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА МЕТАЛЛ

Кручина, управляющий делами ЦК КПСС, тоже не фигурировал в числе заговорщиков, и ему тоже опасаться вроде бы было нечего. Эта должность в партии была очень высокой, хотя и не излучала свет звезды первой величины на политическом небосводе. Кручина являлся «министром финансов» КПСС, главным хозяйственником. Он знал все русла, по которым текли деньги в КПСС и из нее.

Работа неоднократно сводила меня с Кручиной. Это был мягкий, обходительный, умный, внимательный к собеседнику человек. В последний раз виделся с ним, когда пришел к нему вместе с народным депутатом СССР Юрием Афанасьевым, чтобы обсудить судьбу Российского гуманитарного университета, ректором которого он является. До того была получена решительная (это случалось нечасто) поддержка М.Горбачева.

Разговор оказался длинным и бессмысленным, я вспылил, при всех сказал Юрию Афанасьеву, что он зря пришел сюда и ничего здесь, кроме пустых слов, не получит. Кручина же пытался сгладить острые углы, мягко, обходительно, пожурив меня за резкость.

Невозможно предположить, что этот уравновешенный человек способен выброситься из окна.

Трудные для КПСС времена не помешали ее функционерам сполна позаботиться о себе. За сравнительно короткий срок в различные банки «затолкали» миллионы рублей,

пытаясь таким образом скрыть партийную кассу. Текли денюжки в совместные предприятия, дававшие приют бегущим с тонущего корабля партчиновникам. Но ответственность Кручины тут, скорее, моральная, нежели уголовная, — общественная организация вправе хранить деньги там, где сочтет нужным. Знал Кручина и о личных расходах партийных вождей — здесь могут быть свои тонкости... Но мертвые молчат.

Зато заговорили документы секретных партийных архивов, которые после путча были опечатаны и постепенно становятся достоянием гласности.

23 августа 1990 года, за год до путча, конфиденциальная памятная записка, рожденная чиновниками аппарата ЦК КПСС, была подана заместителю генерального секретаря ЦК Владимиру Ивашко. «Дело предстоит начать фактически с нуля, — говорится в этой записке, — и работать придется в необычных для партии условиях, приспособленных к требованиям рынка и конкуренции. Перед партийными кадрами, которым будет доверена эта деятельность, сразу же во весь рост встанет задача «учиться торговать». При этом потребуются соблюдение разумной конфиденциальности и использования в ряде случаев анонимных форм, маскирующих прямые выходы на КПСС. Конечная цель, по-видимому, будет состоять в том, чтобы наряду с «коммерциализацией» имеющейся в наличии партийной собственности планомерно создавать структуры «невидимой» партийной экономики, к работе с которой будет допущен очень узкий круг лиц».

При всем том, что в записке многие непривычные для коммунистического лексикона слова берутся в осторожные кавычки (партийные фундаменталисты на всех углах кричали о неприемлемости для советского народа рынка, предпринимательства, частной собственности), смысл ясен до предела — надо искать любые возможности вкладывать деньги (партийную кассу очень часто «путали» с государственной казной и по существу грабили страну), чтобы получать прибыли.

Записка не осталась без последствий. Через несколько дней секретариат ЦК КПСС принял секретное решение: «Для того, чтобы сохранить партийные структуры... необходимо предпринять меры к реализации конкретных проектов по дополнительному привлечению средств в бюджет (естественно, партийный!) от предпринимательской и коммерческой деятельности».

И дело пошло — различные бонзы с необычной для них расторопностью стали отмывать партийные деньги, на-

правляя их в уставные фонды коммерческих банков, ряд которых стал прямо ими контролироваться, в акционерные предприятия — их число постоянно росло и достигло нескольких сотен.

Московский горком партии, его первый секретарь Юрий Прокофьев, потеряв чувство меры и стыда, расталкивали деньги по совместным, малым, акционерным предприятиям и дошли до того, что взялись создавать акционерное общество закрытого типа, где больше половины акций принадлежало бы партии.

Аппетит приходил во время еды. Аппарат ЦК КПСС подал своим руководителям очередной проект: «Безотлагательно приступить к подготовке предложений об использовании анонимных форм, маскирующих прямые выходы на КПСС, в развертывании коммерческой внешнеэкономической деятельности партии. Рассмотреть, в частности, вопрос о возможностях присоединения через участие в капитале к уже функционирующим совместным предприятиям, международным консорциумам». Эти слова тоже не остались на бумаге: работа пошла с размахом необыкновенным.

Через месяц после провала путча Департамент иностранных дел Швейцарии получил ноту советского посольства в Берне с просьбой провести проверку в банках этой страны наличия счетов компартии Советского Союза и компартии России и при обнаружении — заморозить имеющиеся средства.

Немало придется поработать различным комиссиям, а также следователям, чтобы найти следы, могущие привести к деньгам, переправленным компартией за пределы страны. Нетрудно догадаться, что к этим тайным махинациям приложило руку и КГБ, так что поиски обещают быть и трудными, и длительными. Но игра стоит свеч — речь может идти о сотнях миллионов, а то и миллиардах долларов.

Процитированные документы — немногие из сохранившихся. В тех отделах центрального комитета партии, где занимались коммерческой деятельностью, документов оказалось на удивление мало. Зато сразу же было обнаружено, что зарубежные высокопроизводительные агрегаты, превращающие бумагу в пыль, успели поработать на полную мощность...

Вечером 26 августа заместитель премьера правительства Москвы Александр Музыкантский беседовал с управляющим делами ЦК КПСС Николаем Кручиной в его кабинете. Он спокойно и охотно рассуждал о партийной собственно-

сти, обсуждал способы ее сохранения и наилучшего использования. Правда, когда разговор зашел о финансовых средствах, Кручина стал заметно волноваться. На следующее утро жизнь «финансиста» оборвалась.

Через сорок дней после этого события предшественник Кручины на его посту восьмидесятилетний Георгий Павлов был найден мертвым на газоне под окнами своей квартиры, расположенной на восьмом этаже дома в престижном районе Москвы.

Очередное самоубийство случилось 17 октября 1991 года. Бывший заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Дмитрий Лисоволик вместе с семьей посмотрел вечернюю информационную программу телевидения, затем вышел на балкон своей квартиры на двенадцатом этаже и бросился вниз. По словам людей, близко его знавших, это был добропорядочный человек и хороший специалист. А то, что международный отдел был напрямую связан с зарубежными коммунистическими партиями, которые получали деньги из Советского Союза, — это тоже факт.

Так что нам не остается другого, как сказать: люди гибнут за металл.

КТО СОБИРАЕТСЯ ЛЕЗТЬ С КРЮЧЬЯМИ НА СТЕНЫ КРЕМЛЯ?

Сейчас я сужу не как обвинитель или человек, волею судьбы оказавшийся в гуще событий, которые заварили заговорщики — ближайшее окружение Президента, его доверенные лица. И я был бы неискренен, если в заметках о путче оставил в стороне самого Михаила Горбачева.

Внешний рисунок коммунистического заговора вроде бы прост: путчисты действовали против Президента, и он стал их жертвой. Слава Богу, с ним не произошло то наихудшее, что обычно сопровождает путчи в других государствах. И именно поэтому я вправе спокойно, трезво вспоминать о расстановке и движении фигур, в итоге получивших мат, проигравших не каким-то другим политическим деятелям, а всему трехсотмиллионному народу, прежде всего нам (так сложились обстоятельства), москвичам.

Демократия — это власть народа, и на сей раз она победила в России...

Оглядываясь на 1990 и 1991 годы, думая о приливах и отливах политики Президента, ловишь себя на «крамольной» мысли: он самолично окружил себя будущими путчи-

стами, вывел из своего окружения честных, объективных соратников, причем всех — и правых, и левых, не говоря уж о ярых демократах, легко распрощался с умными, знающими людьми.

Что же связало Президента с оставшимися — этой политической шпаной? Общность мировоззрения? Но об искренности его взглядах гадать не берусь. Оценка положения в стране и рецепты чрезвычайных лекарств или общее стремление силой сохранить Союз — разваливающуюся империю? Скорее всего это.

Иногда можно услышать: Президент, спасая страну от происков реакции, которую будто бы почти все поддерживали, уступал ей как тонкий политик-аналитик, владеющий искусством добиваться максимально возможного. Не знаю, убеждал ли себя в этом Президент, убедил ли. Но за три дня в августе козырная карта этой «теории» оказалась битой: народ, народная армия сказали решающее слово, пошли за демократами, Ельциным, а не за коммунистической хунтой.

Соотношение сил в ближайшем президентском окружении, оказавшемся по взглядам реакционным, абсолютно не отражало реальной жизни и явилось просто-напросто карикатурой, угодной и выгодной лишь имперской верхушке и ее верным оруженосцам из КГБ, министерства обороны и министерства внутренних дел, спасавшим свою шкуру. Инициатор перестройки, надежда миллионов в нашей стране и за ее пределами безропотно позволил себя одурачить, убоявшись «джинна», которого сам выпустил из бутылки. Так называемые демократы стали расхожим ругательством в его политическом лексиконе.

Окружение Президента снабжало его специально отфильтрованной, выгодной им информацией, запугивая «заговорами», «захватом власти». Иначе как объяснить то, что он всерьез поверил, будто москвичи готовят к митингу 28 марта железные крючья, чтобы штурмовать кремлевские стены. С умным видом премьер Павлов, якобы посвященный в секреты демократов, потчевал меня этим шизофреническим бредом, требуя отменить мое разрешение на митинг. Как тут не вспомнить подкоп под сталинский Кремль, устроенный бериевскими следователями, которые для расправы с инакомыслием фабриковали уголовные дела и под пытками получали «чистосердечные» признания невинных жертв и уничтожали их?

Так или иначе, с осени 1990 года начался стремительный поворот вправо.

Развернулось шумное наступление на новых предприни-

мателей, взявшихся помочь накормить, одеть народ. Усердные рыцари плаща и кинжала из КПСС, КГБ, МВД с неожиданными для них усердием и оперативностью принялись опечатывать, обыскивать, изымать, громить, словом, хватать и не пущать.

Это не была борьба мнений, нормальная для цивилизованного общества, не столкновение взглядов, а решительные действия высших руководителей, задумавших похоронить политические и экономические реформы.

Как свидетельствуют найденные впоследствии документы, в марте 1991 года в прокуратуре страны начала гулять инспирированная КГБ идея арестовать Бориса Ельцина и Председателя Верховного Совета Литвы Витаутаса Ландсбергиса. На стол Генерального прокурора страны легла докладная записка, подписанная одним из его заместителей и начальником управления, где Ландсбергис обвинялся во всех смертных грехах: подрыве денежной системы, торговли, других отраслей народного хозяйства, подрыве деятельности государственных органов и общественных организаций. И вывод был таким: «усматриваются основания для возбуждения уголовного дела». Ельцину же приписывались призывы к вооруженному восстанию, что также квалифицировалось как деяния, влекущие уголовную ответственность. Хорошо, что у Генерального прокурора хватило ума и смелости пойти наперекор влиятельным доносчикам и наложить на этих бредовых документах свою резолюцию: «Оснований для уголовного вмешательства не нахожу»...

Так путчисты-заговорщики, обливая все и вся грязью, приступили к конкретным действиям, стали исподволь прокладывать дорогу к августу, когда произошел путч.

ПУТЧ БЕЗ ЛИДЕРА - НЕ ПУТЧ!

Народ пытались приучить к войскам на улицах. Появились указы и приказы о так называемом совместном патрулировании военными и милицией крупных городов, где на выборах победили демократы. Возникла тяжба МВД с городскими властями Москвы: милицию вывели из нашего подчинения, объединили с милицией прилегающей к городу области и передали союзному министерству, стоящему по стойке смирно перед ЦК КПСС.

Премьер Павлов целенаправленно доводил народ до точки кипения обменом денег, грабительским повышением цен, налогами и пошлинами.

28 марта в городе по сути было введено осадное положение. В тот день противостояли друг другу не военные и москвичи, а наша молодая демократия махровому консерватизму, олицетворявшему проклятое страной коммунистическое прошлое. Демократы, несмотря на прямую провокацию — введение войск, продолжали мирно, достойно отстаивать свои взгляды. И реакция не решилась пустить в ход, как в Прибалтике, оружие.

Наступило шаткое равновесие, которое не могло продолжаться бесконечно.

Последний звонок прозвучал на летней сессии Верховного Совета СССР. Крючков, Язов и Пуго разыграли увертюру, запугивая угрозой несуществующего заговора, а из уст Павлова вырвалось и повисло над страной требование о чрезвычайных полномочиях. Председатель Верховного Совета Лукьянов (его арестовали после путча) брался с обнаглевшим депутатским блоком «Союз», объединявшим коммунистов-фундаменталистов.

Впереди был путч. И он грянул 19-го как гром с ясного для нас неба.

Вспомним лица заговорщиков на пресс-конференции, показанной стране по телевидению вечером 19-го. Можно только поблагодарить судьбу за то, что не было среди них лидера, более или менее притягательной фигуры, без которой путч — не путч. И даже оставшийся за кадром пресс-конференции ловкий аппаратчик Лукьянов годился лишь на то, чтобы дергать марионеток за веревочки и демонстрировать янаевское «разделение» законодательной и исполнительной властей.

Помехой для заговорщиков, рвавшихся к власти, стал Президент страны.

После провала путча заговорщики ринулись не в Китай и не на Кубу, а в Крым к Президенту. Еще недавние соратники помчались просить прощения. Не могу умолчать и о таком известном факте — по возвращении из крымского заточения Президент на первой же своей пресс-конференции сообщил о верности социалистическому выбору. Однако, встречаясь в последующие дни с Президентом, я ясно видел, чувствовал огромную в нем перемену.

Хотелось думать, что Президент вернулся в другую страну. Страну, которую он, наконец, по-настоящему узнал и которая действительно стала другой.

Хочется, очень хочется верить, что другим стал и сам ее Президент — все понял и всему научился.

ОНИ ЛОЖАТСЯ СПАТЬ

Мы подошли к кульминационному моменту — ночи с 20-го на 21-е, когда все могло закончиться страшной, кровавой развязкой.

Трудно рассказывать о тех долгих часах, пережитых всеми нами. Даже теми, кто активно в сопротивлении не участвовал, был дома, но тоже провел ночь без сна, слушая зарубежное радио.

Ружье (перефразируя Чехова), повешенное на стену путчистами в первом акте трагедии, должно было, наконец, выстрелить в финале.

Не баррикады, которые легко смести военной техникой (поступила информация, что к удару по «Белому дому» готовятся и ракетные установки), а именно люди прикрывали собой дом, ставший тогда центром России. Люди стали главной преградой на пути войск.

Команда к подготовке штурма «Белого дома» хунтой была отдана. Назначено время — 3 часа ночи.

Основная роль отводилась десантникам, группе КГБ «Альфа», официально занимающейся борьбой с терроризмом...

Сейчас нам уже известно, как вела себя хунта той ночью, и я, нарушая законы детективного жанра, забегу вперед.

Не надо рисовать в своем воображении картины, будто заговорщики собрались в специальном бункере, сюда поступают доклады генералов, и волосатая рука ложится на кнопку «пуск». Не было ничего похожего.

Главаря заговора разбежались по дачам, по своим квартирам.

Уверен, не пришел к ним в ту ночь крепкий, здоровый сон. «Сон» был политический: никто из них не хотел, думаю, и не мог из-за подлости, воспитанной годами в коридорах бюрократической власти партии, привычки к лавированию и лицемерию взять на себя смелость принять окончательное решение — сказать последнее слово.

Эту палаческую обязанность — спустить курок — они предоставили военным, загнав их в ловушку, пытаясь тем самым обезопасить себя. Выполняют военные приказ, начнут штурм — вся ответственность за жертвы ляжет на них, военных. Трибунал быстро нашел бы козлов отпущения. Поступят вопреки воле главарей заговора, не нажмут «кнопку» — предстанут перед хунтой изменниками.

Военные пытались разыскать спрятавшийся чрезвычайный комитет. «Спят... спят... спят...», — отвечали им на квартирах и дачах, — «будить до трех часов не велено».

Клопы забились в щели — партийно-советские бюрократы, как огня страшась ответственности, и на сей раз оказались на «высоте» своего положения.

Даже верные хунте командиры схватились за голову, поняв, с кем имеют дело.

Судьба путча, и раньше на волоске висевшего (уже 19-го и 20-го многие генералы, офицеры, воинские части отказывались подчиняться хунте, блокировали ее приказы), к четырем часам ночи была окончательно и бесповоротно решена — заговор провалился. К таким генералам, как Шапошников, Грачев, Лебедь, сразу сделавших для себя выбор — не поднимать оружие против народа, законной власти, защитить ее, — присоединились другие.

Напомню, что незадолго до путча Борис Николаевич Ельцин, будучи в Туле, посетил расквартированную там десантную дивизию. Воевать с народом не станем, твердо сказали ему тогда, словно предчувствуя, что именно этому соединению хунта отдаст приказ — штурмовать. Эта дивизия приказ не выполнила. Было и такое: 19-го, когда танки стянулись к «Белому дому», Борис Ельцин, выйдя на площадь, спросил у одного из танкистов: «Ты в Ельцина приехал стрелять?» — «Что вы! Да никогда!» — прозвучал ответ.

Интересны свидетельства самих генералов, которые, по замыслу путчистов, должны были возглавить штурм «Белого дома».

Генерал-полковник Павел Грачев (после путча он был назначен первым заместителем министра обороны СССР — председателем Государственного комитета России по обороне и безопасности) командовал в ту пору Воздушно-десантными войсками. Он рассказал, что утром первого дня путча ему позвонил Борис Ельцин и спросил:

— Что происходит?

Генерал сообщил то, что всем было известно из газет, передач телевидения, радио.

В ответ Ельцин убежденно воскликнул:

— Это провокация! Выделишь своих людей на охрану?

— Да, — согласился с ним генерал Грачев.

Вскоре к «Белому дому» были направлены десантники.

На следующий день в Министерстве обороны состоялось совещание, в котором участвовали командующий сухопутными войсками Варенников, командующий Московским военным округом Калинин, командир подразделения КГБ «Альфа» Карпухин, присутствовали другие руководители Министерства обороны.

Говорили о том, что правительство России решительно

выступило против чрезвычайного комитета, что переговоры с ним ни к чему не привели и надо во что бы то ни стало добиться признания российским руководством новоявленных правителей.

Задачу поставили такую: оцепить «Белый дом». Десантникам приказали разместиться для начала около американского посольства, специальным подразделением Министерства внутренних дел — на Кутузовском проспекте, «Альфе» — на берегу Москвы-реки. Подразделения МВД должны были оттеснить москвичей, собравшихся вокруг «Белого дома», а «Альфа», воспользовавшись этим, приблизится к парламенту и начнет штурм здания.

За два часа до назначенного срока генерал Карпухин позвонил генералу Грачеву и сообщил:

— Пытаюсь связаться со своим начальством, но никто не отвечает.

— Где находишься? — спросил Грачев.

— В двух километрах от парламента России. Оценил обстановку и принял решение... — собеседник помолчал и добавил: — Участвовать в штурме не буду.

— Спасибо, — поблагодарил его Грачев. — Моих десантников тоже уже нет в Москве. И я больше шагу не сделаю...

Звонил Грачев и генералу Борису Громову, первому заместителю министра внутренних дел СССР, рассказал о разговоре с Карпухиным, поинтересовался:

— Что предпримет МВД?

— Стоим и никуда не пойдём...

О поведении генерал-майора КГБ Карпухина, командира «Альфы», говорили потом разное, были и сомневающиеся в его позиции в дни путча. Тем не менее «Альфа» не вступила в боевые действия, и потому прислушаемся к словам ее командира.

Шеф КГБ Крючков в пять часов утра 19-го отдал ему приказ арестовать Бориса Ельцина, других руководителей России, доставить их в подготовленное для этого помещение в Завидове, поселке под Москвой.

С самого начала, по утверждению Карпухина, он старался не выполнять указания руководства КГБ СССР, хотя по радиотелефону постоянно раздавались требования немедленно действовать и докладывать об обстановке. Генерал возражал: на даче, где находится руководство России, арестовывать нельзя — возможно сопротивление и будут жертвы. И все-таки дача Бориса Ельцина уже в шестом часу утра была оцеплена «Альфой». Однако попытка захвата Ельцина и его ближайшего окружения так и не состоялась.

Все беспрепятственно покинули дачу и благополучно прибыли в «Белый дом».

Крючков вызвал к себе Карпухина и патетически заявил ему, что судьба страны зависит от действий «Альфы» и других подразделений (всего около пятнадцати тысяч человек), поступивших в подчинение генерала вечером 20-го, за несколько часов до назначенного срока штурма «Белого дома».

— Весь штурм длился бы минут пятнадцать, — считает Карпухин. — Слава Богу, у меня не поднялась рука. В этой ситуации все зависело от меня. Была бы бойня и кровавое месиво. Я отказался. Своим ребятам так и сказал: «Это безумие, принимать участие не будем». Звонил Крючкову, он меня не принял. Предупредил его заместителя: штурмовать отказываюсь, не могу убивать людей...

Есть сведения, что и сами боевики из «Альфы» отказывались идти на штурм, так что в оценке происходящего Карпухин и его подчиненные были одного мнения.

Для полноты картины приведу и высказывание Вадима Бакатина, после путча ставшего председателем КГБ. В одном из интервью он говорил:

—Еще до своего назначения я как член Совета безопасности страны занимался спецотрядом КГБ «Альфа». Ко мне домой приходили ребята из «Альфы» с подробной исповедью о трех августовских днях. В результате я посоветовал Горбачеву забрать, пока не поздно, подразделение из КГБ и передать его в непосредственное подчинение коменданта Кремля. Он ответил, что необходимо немедленно подготовить такое распоряжение, командира «Альфы» уволить, а ее ребят пригласить на встречу с ним...

Если отвлечься от личностей, то для Истории подобные детали не столь, может быть, и существенны. Главное же очевидно: штурм «Белого дома» не состоялся. И сыграли здесь свою роль не один или двое, а тысячи и тысячи.

И тем не менее жертвы были. Именно в эту роковую ночь — с 20-го на 21-е — трое молодых москвичей погибли в тоннеле под Новым Арбатом неподалеку от «Белого дома», пятеро получили ранения, в том числе огнестрельные. Произошла стычка москвичей с проходившей здесь колонной бронетранспортеров.

Наш депутатский штаб во главе с Ю.Шарыкиным постоянно докладывал о перемещении войск. В этом хаотическом движении, вызванном и полнейшим неумением действовать в большом городе (техническая подготовка экипажей, состояние связи у военных были никудышными), и баррикадами на магистралях, вскоре выявилось нечто целена-

правленное — стали отводить части, которые отказались воевать со своим народом.

До путча я не был знаком с Евгением Шапошниковым, Павлом Грачевым, другими известными ныне военачальниками. Мы познакомились потом в последние дни августа, и твердо могу сказать: если в нашей армии есть такие люди — высокой офицерской чести, недюжинного ума, военного, организаторского таланта, ясного понимания своего долга, то ее возрождение не за горами. К их числу отношу и Владимира Топорова, генерал-лейтенанта, назначенного сразу после путча командующим Московским военным округом.

Многие из этой новой, благотворной для армии волны прошли Афганистан, служили там вместе с вице-президентом России Александром Ружким (он был одним из главных организаторов обороны «Белого дома») и в первые же часы путча установили контакты с руководством России: использовался телефон, посылались особо доверенные связные.

В «Белом доме» вместе с другими руководителями России находился Юрий Скоков, первый заместитель премьера правительства, потом один из государственных секретарей, а до того генеральный директор объединения «Квант», принадлежащего военно-промышленному комплексу. У него было множество забот и задач, но к исходу 20-го он почти полностью переключился на работу с армией. Именно он решал с генералом Павлом Грачевым все задачи взаимодействия по телефону и через связных.

САМАЯ ДЛИННАЯ НОЧЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Из «Белого дома» я всю ночь поддерживал постоянную связь с мэрией, где оставался Александр Музыкантский.

По нашему указанию был блокирован тяжелыми машинами Калининский мост, чтобы воспрепятствовать движению Белградской дивизии. На расположенных в черте Москвы Тушинском аэродроме, площадке у Центрального аэровокзала грузовиками было заполнено летное поле.

Поднял с постели руководителя городской водопроводно-канализационной службы Станислава Храменкова. Я вспомнил, как несколько лет назад ночью ездил с ним туда, где случилась крупная авария на теплотрассе, — там перекрывали улицу тяжелыми машинами, чтобы остановить движение. Теперь машины вывели против танков.

Позвонил префект Северо-Восточного административ-

ного округа Владимир Систер, сказал, что собрались люди, есть машины — куда ехать? Смело, инициативно действовали строители, используя арсенал своей техники.

Вечно критикуемые работники столовых, ресторанов, закусочных безо всякой команды начали кормить защитников баррикад. Не отстали и коллективы кооперативных кафе. Носили еду женщины из соседних домов.

Надолго запомнится эта ночь дежурному по мэрии Вячеславу Гаврилову, в прошлом военному человеку, исключительно четко передававшему все команды.

Как потом рассказал А.Музыкантский, около часа ночи он увидел бронетранспортеры, вырвавшиеся из Столешникова переулка, расположенного напротив мэрии, и подумал — началось, штурм. Тем не менее спокойствие, природная интеллигентность не изменили ему, голос его в телефонной трубке, как всегда, оставался негромким, речь нетороплива. Все, кто был с ним рядом в те дни, не видели и тени страха на его лице.

Бэтээры промелькнули у стен мэрии и исчезли во тьме.

Трусливо скрывшейся хунте противостояли мэрия и «Белый дом» — слаженная команда, мобилизовавшая, уверен, весь свой интеллектуальный и организаторский потенциал...

В бункере «Белого дома», где мы находились, по мере приближения к трем часам ночи атмосфера становилась все напряженнее, быстро летело время. Поглядывали на циферблат: 2.50, 3.00, 3.15, 3.30... Мы добавили немного на неорганизованность военных, но вскоре поняли: что-то там у них сломалось.

Угроза штурма отступила.

Странно, но в те часы, оставшись втроем — Борис Николаевич Ельцин, Гавриил Харитонович Попов и я, — не говорили о грозящей опасности, шла обычная для «мирного времени» беседа (даже пиджаки сняли), прерываемая лишь короткими докладами об обстановке и распоряжениями.

Неторопливо мы обсуждали новые принципы управления столичным городом, его статус, работу строительного комплекса, состояние продовольственного снабжения, создание поселка — двести домов — в Брянской области для пострадавших от аварии на Чернобыльской атомной станции, дали анализ действий горкома КПСС (один из товарищей потом рассказал мне, что при беседе его в горкоме с Прокофьевым, который 19-го вызывал к себе многих хозяйственников, первый секретарь после неожиданного телефонного звонка поспешил прервать разговор и отправился на заседание чрезвычайного комитета).

Подходила к концу вторая ночь — с 20-го на 21-е. В тяжелом, промозглом тумане нехотя, словно не веря победе света над тьмой, занимался рассвет.

Мы втроем — с Борисом Николаевичем и Гавриилом Харитоновичем — продолжали разговор, начатый еще до часа «Ч», известного теперь всему миру: на три часа ночи был назначен штурм «Белого дома». Прошли сроки, стало ясно, что миновали все «Ч», а беседа текла и текла, не было только положенного ликования — многое в наших судьбах свершается в будничном обличье, без барабанов и труб.

БОРИС ЕЛЬЦИН ВХОДИТ В ИСТОРИЮ

История воздаст должное Борису Николаевичу Ельцину, ставшему символом торжества демократии в августе 1991-го. Воздаст столице России — Москве, лицом к лицу встретившей путч и мужественно выстоявшей.

Куда бы ни пролегли дороги народов, республик бывшего Советского Союза, пока окрашенных на географических картах в красный цвет, всем Август завещал благородную память о Президенте России и ее столице. Они приняли удар на себя и защитили страну, мир от коммунистических путчистов. Почти полвека назад, в годы второй мировой войны, фашизм был остановлен у стен Москвы, теперь он был разгромлен в ее стенах.

Борис Николаевич — натура сильная, по-настоящему мужская — скуп на выражение сердечных привязанностей и, на мой взгляд, не нуждается, не ждет благодарственной оценки заслуг. Не нуждаются в ней, не ждут ее и Москва, москвичи. Без лишних слов, тоже по-мужски они поставили на этот страшный «кон» в игре — дворцовом перевороте, затеянном хунтой, — все, что у них было, — жизнь. Поставили — и одержали победу, доказали свою приверженность идеям демократии уже не на выборах, митингах, демонстрациях, а на баррикадах.

В ночь с 20-го на 21-е трое молодых москвичей погибли в тоннеле под Новым Арбатом. Смерть, говорят, не выбирает, но есть какая-то символика в том, что среди погибших один — рабочий, другой — предприниматель, третий — архитектор, двое русских и еврей. Весь московский люд встал на защиту «Белого дома».

С первых часов путча, с утра 19-го, когда я приехал на дачу к Б.Ельцину, и до штурмовой ночи, оставшейся тоже позади, Президента России ни на минуту не покидала твердая уверенность в том, что столица останется с ним до

последнего, что Москва и Россия неразделимы. Мы не давали друг другу никаких заверений, кляtv — все было ясно без слов, любые из них оказались бы неуместны.

Всего несколько лет связывают Бориса Николаевича со столицей, не съеден вместе пуд соли, и все-таки он сумел стать москвичом. В отличие от большинства партийных и хозяйственных чиновников брежневского, да и горбачевского периодов, косяками приезжавших в Москву, но не понимавших, не любивших ее, продолжавших провинциально попрекать москвичей несуществующими привилегиями, Борис Николаевич всем сердцем сразу открылся новому для него городу.

Решительность в смене кадров в городском партаппарате и исполкоме Московского Совета, за которую его корили сначала втихую, пока его не выкорчевали из горкома, где он поработал первым секретарем лишь около полутора лет, а потом корили громогласно и повсеместно на различных партийных собраниях и заседаниях, — решительность эта проистекала не из холодности Ельцина к людям, как пытались доказать его недруги. Причина в другом — горячем и, увы, нереальном желании побыстрее все изменить, улучшать. Он, человек дела, свое новое окружение формировал из специалистов по промышленности, строительству (потому и я, работая начальником технического управления одного из министерств, перешел по его приглашению в исполком Московского Совета, стал первым заместителем председателя).

Полтора года — срок небольшой для того, чтобы явно сказалось пребывание руководителя в огромном городе, где узлом завязаны многочисленные проблемы, не так остро дающие себя знать в других местах. Тем не менее Борису Николаевичу многое стало удаваться.

Гонения на него, осмелившегося нарушить партийную круговую поруку и выступить против главных лиц партии, памяtnы, наверное, очень многим, и он расставался с городом трудно, драматично.

7 ноября 1988 года я встретил Б.Н.Ельцина на Красной площади.

По праздникам рядом с мавзолеем устраивали деревянный помост, накрывали его подобием ковра, и здесь собирались люди, рангом пониже тех, кто возвышался на главной трибуне. Борис Николаевич тоскливо стоял в полнейшем одиночестве. Руководящее лицо, изгнанное с высокого партийного поста и назначенное всего-навсего возглавлять строительное ведомство, не годилось для общения в собравшейся на помосте компании. Я осмелился нарушить бюро-

критический «этикет», подошел к нему, и мы проговорили два часа.

Он забросал меня вопросами о положении дел в Москве, вникал в каждую мелочь. Когда узнал, что москвичи перестали отбывать тяжелую повинность — ходить на овощные базы, перебирать, фасовать, грузить предназначенные для продажи в магазине картофель, капусту, свеклу, морковь, попросил рассказать в подробностях, ибо это избавление началось при нем. «Если все получится, как задумывали, буду очень рад, как будто вместе с тобой сейчас работаю...»

Тот же интерес к Москве, не формальный, не напоказ, искренний, от души, чувствовали мы с Гавриилом Харитоновичем в ту памятную ночь в «Белом доме». И сейчас, когда опасность позади, я, приходя к Борису Николаевичу по служебным делам, встречаю то же понимание наших городских забот, старание разделить их...

Настало утро 21-го, последнего дня путча, первого дня победы.

С женой и двумя охранниками мы шли к зоопарку, где ждала машина. Уставшие после второй бессонной ночи люди оставались на баррикадах. Горели костры. По рукам ходили свертки с едой, термосы.

Напряжение спало, и у многих, как и у меня, росла уверенность, что подходит конец испытаниям.

Домой добрались без приключений. Оставив там жену и на всякий случай наказав ей никому не открывать дверь, поехал на Тверскую, в мэрию, которую покинул всего десять часов назад, столь много вместивших.

Так закончилась самая длинная ночь в моей жизни.

В восемь утра у меня собрались А.Музыкантский, В.Шахновский, Е.Савостьянов, Ю.Шарыкин, другие. Сообща составили план действий на 21-е — день, завершившийся неожиданной радугой, ярко, празднично поднявшейся над Москвой.

Добиться немедленного вывода войск — таков был первый и главный пункт нашего плана.

ТАНКИ ПОКИДАЮТ МОСКВУ

21-го утром, в десять часов, в мэрии началось совещание, которое я открыл такими словами:

— Мы собрались, чтобы рассмотреть вопрос о немедленном удалении войск из Москвы...

Присутствовали начальник штаба Московского военного округа генерал-лейтенант Л.Золотов и начальник инже-

нерных войск Министерства обороны генерал-полковник В.Кузнецов. Совещанию предшествовали разговоры по телефону с министром обороны Язовым и шефом КГБ Крючковым, о которых расскажу несколько позже.

Требовалось непременно добиться, чтобы войска покинули город к середине дня. Оставлять их здесь вечером, особенно ночью, нельзя было ни в коем случае — кому-то из агонизирующей хунты могла прийти шальная мысль о реванше и использовать для этого воинские части, находящиеся на улицах. Попытка не увенчалась бы успехом — это несомненно, но кровь могла пролиться. Те, кому терять нечего, готовы на все.

Вернусь к стенограмме.

Л.Золотов: Завтра к утру последний солдат, последняя машина из города будут выведены. Почему к утру? Потому что днем будет небольшой вывод войск. В основном пойдут ночью. Если вы не возражаете. Если вы разрешите выводить планоно и днем с соответствующими мерами безопасности, мы выведем и раньше. Осталось войск очень мало. Я готов доложить по каждой роте...Осталось порядка 20—22 единиц техники в отдельных местах. Маршруты вывода: Профсоюзная улица, Ленинский проспект, Минское, потом Киевское шоссе...

Генерал водил пальцем по карте, а я закипал от возмущения: вранье — на уход двух десятков машин не нужны сутки.

Л.Золотов: Если днем надо будет остановить движение транспорта, как вы поступите?

— Остановим, — ответил я.

Л.Золотов: Сейчас главное — уточнить, кто куда пойдет... Потом, когда сюда сосредоточим (показывает на карте), вопросов никаких нет. Потом нам обеспечат выход на Минское шоссе, и уйдут Таманская дивизия и Кантемировская.

А.Музыкантский: Потом — это когда?

Л.Золотов: После 20 часов.

— Такой план принимать не будем, — возразил я. — Сейчас мы выделим необходимое количество машин Госавтоинспекции для сопровождения.

Л.Золотов: Сейчас десять тридцать. В одиннадцать тридцать можно?

Звоню руководителям Госавтоинспекции города, договариваюсь о 45 машинах сопровождения — по количеству танковых частей, занявших город.

Л.Золотов: В двенадцать тридцать выход к объектам, в тринадцать тридцать начало движения...

— И в шестнадцать освобождаем город, — подытоживаю эту часть разговора. — Есть вопросы?

А. Музыкантский: Надо покормить войска прямо на месте.

— Вместе с частями город должны покинуть военные коменданты префектур, — предупреждаю я.

В. Шахновский: Надо немедленно прекратить выдачу пропусков на хождение ночью. Комендантский час незаконен, как и чрезвычайное положение.

Л.Золотов: Прекратим с удовольствием.

Обращаюсь к В.Кузнецову:

— У меня есть договоренность с Язовым о том, что вы вашей техникой разберете все завалы, все баррикады, которые были созданы для борьбы с «родной» армией.

В.Кузнецов: Сейчас у меня в Москве пять инженерных машин разграждения. Автокранов не густо — шесть. Нужно организовать взаимодействие. Там пока ситуация не ясна. Это нам с вами ясно...

«Там» — значит на баррикадах, которые оберегались их защитниками, и были случаи, когда они ничего не давали военным трогать. Даже после того как к шестнадцати часам войска покинули город, многие не верили, что можно дать «отбой», — напряжение минувших дней не могло спасть сразу.

Любопытно было наблюдать за этими двумя генералами, чьи фамилии для истории запечатлены стенограммой.

Держались они с достоинством, рассуждали со знанием дела, но сквозь это, внешнее, проглядывало другое — горечь, стыд за армию, ее офицеров, втянутых в зловещую и вместе с тем унижительную авантюру. Люди, посвятившие жизнь исполнению воинского долга, честно служившие, вдруг попали в постыднейшую, позорную ситуацию. Стоило нам заговорить о чрезвычайном комитете, о чрезвычайном положении, комендантском часе, противозаконных приказах, они замолкали, не могли найти себе места. В конце концов согласились с нами, что войска с московских улиц должны быть убраны как можно скорее.

Не успело завершиться совещание, где было достигнуто согласие, позвонил командующий Московским военным округом генерал Калинин и заявил, что расчет времени сделан неправильно и войска покинут город лишь через сутки.

Разговор был жесткий, тяжелый, и перед тем как положить трубку, я привел последний аргумент:

— Не обманывайтесь, генерал, насчет нашей позиции, твердости требований. Если к шестнадцати часам в городе останется хоть один танк, мы будем жечь их...

Не знаю, что больше подействовало — мой решительный тон, понимание командующим, что битва проиграна и, играя с огнем, можно столкнуться с москвичами, — но к четырем часам войска ушли.

Два утренних телефонных разговора — с Язовым и Крючковым — предшествовали появлению генералов в мэрии.

Язов сразу снял трубку телефона правительственной связи, словно ждал этого или, скорее всего, какого-либо другого, важного для него звонка.

— Москвичи возмущены тем, что в городе продолжают оставаться войска, — сказал ему. — Мы можем не сдерживать гнев молодежи, готовой начать подручными средствами боевые действия против танков.

В ответ ожидал взрыва гнева, грубости, и вдруг — необычный для собеседника доверительный тон, даже извинительные нотки:

— Пожалуй, вы правы, вопрос пора решать. Мы ведь ввели войска, чтобы защитить город от грабежей, погромов...

Я не смог удержаться:

— Каких таких погромов?! Какие грабежи и погромы были до ввода войск? О чем вы говорите? Вы хотели испугать москвичей, заставить их склониться перед чрезвычайным комитетом, который мы не признаем...

Язов не возражал.

— Да, пожалуй, пора принимать решение, — сказал он. — Пришлю к вам двух генералов — Калинина и Кузнецова. Когда вы хотите с ними встретиться?

— Немедленно! — ответил я, не ожидая такой щедрости.

Вместо командующего округом приехал начальник штаба. Видимо, Калинину, несостоявшемуся военному коменданту Москвы, так и не осмелившемуся появиться в мэрии за время своего краткосрочного комендантства, и на сей раз не хватило мужества прийти.

Тогда я, конечно, не знал, что утром же состоялось заседание коллегии Министерства обороны СССР. Скорее всего, наш с Язовым разговор пришелся на эту пору: оно началось в девять часов.

По рассказу нового министра обороны маршала Е. Шапошникова, Язов долго и не очень внятно характеризовал сложившуюся обстановку, нелестно отозвался о членах чрезвычайного комитета — вице-президенте Янаеве и премьер-министре Павлове. Люди они, как говорят, нехорошие, пьяницы, втянули министра обороны, куда идут, непонятно. А за министром стоят генералы, за ними — солда-

ты, которые сейчас на танках. Это же позор для армии. И министр попросил собравшихся высказывать свое мнение.

Слова попросил Шапошников, младший по возрасту (он был самым молодым среди членов коллегии), и предложил во имя сохранения авторитета вооруженных сил отдать приказ о выводе войск из Москвы. Его поддержали все члены коллегии.

Язов сказал, что мнение собравшихся понял, что в эти минуты заседает чрезвычайный комитет, но он туда не пойдет и, наверное, отдаст приказ о выводе войск. И добавил, что из чрезвычайного комитета он не выйдет: не может стать еще раз предателем и свой крест понесет до конца.

Возвращаясь к первому дню путча, Шапошников считает, что уже тогда он понял, что Язов не захочет идти до конца и не отдаст приказ открывать огонь. На заседании коллегии в тот день он сообщил о введении чрезвычайного положения, приведении войск в состояние повышенной боевой готовности, вступлении подразделений в Москву и вместе с тем предупредил:

— Смотрите, не наделайте глупостей. Среди людей могут оказаться такие, кто станет бросаться под танки, поджигать их. Я бы не хотел крови...

ГЛАВАРЬ КГБ БЕЖИТ В КРЫМ

Кроме частей Министерства обороны, в городе находились войска КГБ, о чем нас информировали вездесущие депутаты.

Окрыленный первым успехом, снял телефонную трубку, чтобы переговорить с Крючковым. Разговор получился совсем иной.

Я сообщил о договоренности с Язовым и потребовал вывода подразделений КГБ. Крючков начал юлить:

— Никого и ничего у нас в Москве нет. Зря вы нас так воспринимаете.

Тогда я стал перечислять подразделения, и Крючков «потух». Конечно, получить от него ясный ответ — дело немислимое, это и раньше было известно. Он скрытный, хитрый человек, лишь внешне смахивающий на простенького мужичка, якобы искреннего, на самом же деле у него злой ум и коварная душа.

Мне неприятно, когда такого склада люди оказываются рядом, и я рад, что их, в работе, в общении, спорах не раскрывающихся, держащих камень за пазухой, нет в мос-

ковском правительстве, хотя народ тут собрался очень разный.

Среди путчистов, на мой взгляд, были три главных организатора. Если первый секретарь Московского горкома КПСС Прокофьев обеспечивал идеологическое прикрытие, а председатель Верховного Совета СССР Лукьянов — законодательный камуфляж, то именно Крючков был организатором практических дел.

Разговор с Крючковым закончился ничем: я настаивал, он вилял, обещая разузнать, разобраться.

Вторичная беседа состоялась некоторое время спустя. Крючков куда-то отчаянно спешил и успел лишь сказать, что все поручения даны и войска из города уйдут.

Тогда я не знал, что его и сообщников ждет самолет, чтобы лететь в Крым к заточенному там заговорщиками Горбачеву...

Примечательно, что ранним утром последнего дня путча — 21-го — были предприняты очень опасные попытки заманить в Крым, в курортный поселок Форос, где находился Президент СССР, изолированный хунтой, Президента России. Я узнал об этом в одном из многочисленных — связь держали постоянно — разговоров с ним.

— Может, мне поехать туда? — полувопросительно, полутвердительно сказал Ельцин.

— Думаю, делать этого не надо, — я сразу отверг такую идею.

Борис Николаевич вспыхнул:

— Вы что, сговорились, что ли?!

Судя по всему, я был не одинок в своих опасениях за его жизнь.

Позже узнал, что весь «Белый дом» был против этой идеи. Б.Н.Ельцин остался в Москве...

ВСЕ ОХОТЯТСЯ ЗА ЧЕРНЫМ ЧЕМОДАНЧИКОМ, В КОТОРОМ ЛЕЖИТ «ЯДЕРНЫЙ КЛЮЧ»

Десятки дальних бомбардировщиков, сотни межконтинентальных ракет, базирующихся в шахтах и на подводных лодках, — тысячи ядерных боеголовок живут своей жизнью и хищно ждут приказа «фас!», чтобы рвануться из своей «конуры»...

Особо доверенные офицеры всегда находились неподалеку от Президента страны, и всегда при них — специальный ядерный чемодан с «ядерным ключом» — кодами приказов.

Стоит по приказу Президента «повернуть» его, как беспрепятственно преодолеваются хитроумные системы блокировки, вступают в работу узлы связи, ядерные арсеналы приводятся в высочайшие степени боеготовности, и при последнем слове — пуск — Земля превращается в ад.

После того как воскресным вечером 18 августа заговорщики пленили Президента и отбыли в Москву творить свои черные дела, вслед за ними исчезли из Фороса офицеры с чемоданом.

Глубоко убежден, что приключения чемодана и последовавший после путча развал Советского Союза, претензии ряда республик на владение расположенным у них ядерным оружием побудили Президента США Буша выступить с неожиданным и односторонним предложением о значительном сокращении тактического ядерного оружия (эти предложения сразу были поддержаны нашей страной). Но все это было потом. А тогда...

Верхушка министерства обороны, занятая после введения чрезвычайного положения передвижениями войск, не могла отдалиться этому делу полностью, ибо не давал покоя рой вопросов по поводу чемодана, узлов связи, расположенных на президентском самолете, который был в тот час на близком к даче Горбачева аэродроме, и в крымском поселке — в нескольких километрах от Фороса.

Имелись подозрения, что к исчезновению чемодана может быть причастна «соседняя фирма» — КГБ. Его военному коллеге — главному разведывательному управлению генерального штаба министерства обороны — зевать было нельзя. При провале путча кому-то из гибнущих главарей могла прийти сумасшедшая мысль: сказать миру свое последнее слово — вставить «ядерный ключ» президентского ядерного чемодана в «ядерные замки» специального узла связи, чтобы на ракетные установки, дальние бомбардировщики пошел закодированный сигнал.

Между тем из Крыма поступали противоречивые сообщения, одно другого страннее. Направленная 19 августа утром в Крым, на узел связи, группа военных обнаружила там сотрудников госбезопасности. В назначенный срок группа не смогла демонтировать узел связи и опаздывала к отлету президентского самолета. Час за часом охрана аэродрома томилась в ожидании нападения с любой из сторон.

Только вечером, приняв на борт вспотевших связистов с оборудованием узла связи, самолет поднялся и взял курс на Москву...

На сей раз ящерная угроза миру миновала, хотя, как

утверждают многие, ее вообще в те дни не существовало. Но я не могу не согласиться с министром обороны США, назвавшим августовскую историю с черным чемоданом потенциально взрывоопасной темой.

СОРОК ОФИЦЕРОВ БЕРУТ НА КАРАУЛ

Близились к концу семьдесят два часа — срок, отведенный путчу... Недолго еще оставалось Михаилу Сергеевичу Горбачеву, его семье оставаться в Форосе. Вот что рассказывал сам Президент о проведенных там трех сутках, после того как заговорщики вечером 18 августа, так и не добившись от него поддержки, улетели в Москву.

Дача была окружена войсками и наглухо изолирована от всего мира. Началось психическое давление — слежка за каждым шагом, чтобы сломить и все-таки добиться своего.

Горбачев это особенно ясно понял тогда, когда стало известно о пресс-конференции членов государственного комитета по чрезвычайному положению, когда не только объявили о плохом состоянии его здоровья и невозможности в связи с этим выполнять свои обязанности, но и пообещали представить на сей счет медицинское заключение. Так как это ни в коей мере не соответствовало действительности, логично было предполагать, что не исключены попытки сломать и физически, и психически.

С Президентом были тридцать два человека личной охраны, оставшихся ему верными. Они решили стоять до конца и распределили между собой сферы действия для защиты Президента и его семьи: супруги, дочери, зятя, двух внучек.

Договорились отказаться от приносимой еды и, как сказал Горбачев, жить тем, что есть под руками. Нельзя было исключить любую гнусность со стороны заговорщиков.

Насколько было возможно в тех обстоятельствах, Президент активно действовал: выдвигались требования восстановить связь, прислать президентский самолет, опубликовать опровержение официального сообщения о плохом состоянии его здоровья. Все оставалось гласом вопиющего в пустыне.

На видеокассету зять записал заявление Президента, продублировав его в четырех экземплярах. Пленку разрезали на четыре части и стали искать возможность передать их «на волю». Одна из пленок была впоследствии показана по телевидению в популярной программе «Взгляд», запрещенной за несколько месяцев до путча и вновь появившей-

ся в эфире после его провала. Было также подготовлено заявление из нескольких пунктов с собственноручной припиской Президента, удостоверяющей его подлинность.

— Семьдесят два часа сплошной изоляции, борьбы. Я думаю, что все было сделано, чтобы сломить Президента. Тяжело это было, что и говорить, — рассказывал, вернувшись в Москву, М.С.Горбачев.

К вечеру 21 августа на территорию дачи вдруг въехали черные правительственные машины. Навстречу им кинулась вооруженная автоматами верная Президенту охрана.

— Стоять! — крикнули эти парни.

Машины остановились. Начались переговоры, наконец, посыльный вернулся из дачи, машины тронулись и вскоре снова остановились. Из них вышли председатель Верховного Совета СССР А.Лукиянов (через несколько дней вслед за членами чрезвычайного комитета и некоторыми военными-путчистами он тоже был арестован), заместитель генерального секретаря ЦК КПСС В.Ивашко, а также О.Бакланов, глава военно-промышленного комплекса, Д.Язов, министр обороны, и В.Крючков, шеф Комитета госбезопасности. Вид, как заметили очевидцы, был у них побитый. Михаил Сергеевич принял только Лукьянова и Ивашко.

— Заговорщиков я не принимал, и не видел их, и не хочу видеть, — сказал Президент.

Заработали телефоны Фороса. Президент тут же дал указание отключить всю связь заговорщиков в их московских кабинетах и те автономные установки, что были в пришедших машинах.

Затем состоялось несколько телефонных разговоров — с руководителями республик, зарубежных стран, с президентом США Джорджем Бушем. Уже в Москве на пресс-конференции, говоря о звонках политических деятелей, Горбачев пошутил:

— В общем, все, кроме Каддафи, Хусейна и... Рубикса.

Рубикс — это один из руководителей коммунистической партии в Прибалтике, поддержавший путчистов.

В тот же вечер на дачу в Форосе прилетели вице-президент России Александр Руцкой и премьер-министр Иван Силаев, Вадим Бакатин, назначенный после путча председателем КГБ, и Евгений Примаков, академик, ставший тоже после путча шефом советской внешней разведки.

Возвращаться в Москву было решено не на президентском самолете, которым воспользовались для полета в Крым заговорщики, а на другом — руководителей России. Когда Михаил Сергеевич Горбачев подъехал к нему, то

сорок стоявших здесь высших офицеров с автоматами взяли на караул.

Форосский плен был окончен.

У ПОБЕДЫ МНОГО РОДИТЕЛЕЙ, А ПОРАЖЕНИЕ - ВСЕГДА СИРОТА

Последние баррикады — сгоревшие троллейбусы, побитые строительные машины, бетонные плиты — исчезли с улиц к Дню города — 31 августа.

Завал на Садовом кольце, где приняли смерть трое наших ребят, начали разбирать через девять дней после их гибели. Автомобильные пробки, которые возникали из-за этой все еще стоявшей преграды, далекие объезды не вызвали ни одного худого слова — никто не смел прикоснуться к этому месту. На девятый день здесь был уложен красный асфальт — знак пролитой крови.

Поистине ничто не ценится так высоко и не дается человеку и человечеству так дорого, как свобода.

Давно известно: у победы много родителей, только поражение — сирота...

С каждым днем у победы нашей демократии прибавлялось родителей, и эти новые и новые подкрепления становились громогласнее, восполняя недостаток активности ТОГДА активностью сегодняшней.

Еще 19-го, в первый день путча, суровая действительность разделила в моих глазах москвичей на далеко не равные три слоя.

Первые сразу и бесповоротно дали оценку заговору, сделали выбор и оставались верны ему в самые тяжкие минуты. Эти люди воевали за победу и одержали ее. Им противостояли путчисты и их сторонники. Они тоже действовали, но потерпели сокрушительное поражение.

Наиболее широким был третий слой, самый многоликий, ибо самый многочисленный. Кто-то взирал на происходящее равнодушно, продолжая тянуть свою повседневную лямку, не очень громко обсуждая увиденные или услышанные подробности. Кто-то, преисполненный сочувствия к борцам на баррикадах, жадно внимал подпольным радиоголосам, нашим — «Эхо Москвы» и «Радио России» — или зарубежным. В этой огромной массе московского народа можно было увидеть молодых и пожилых, «простых» и руководящих. Не посмею назвать их «болотом» — далеко не все сразу определили, что к чему в те три дня. Отсюда-то — из этого слоя — и стали появляться все новые «победители»

и все новые «враги», преследование которых разворачивалось с ужасающим размахом.

Москва, страна стали перед прямой угрозой расследовательского угара: образовывались всевозможные комиссии, учинялись допросы, собирались свидетельства очевидцев, которые были не на баррикадах, а в коридорах, курилках, что-то слушали и что-то слышали. Рекой текли письменные и устные доносы о неблагонадежности — неверности святому престолу демократии. Сводились старые и новые счета, велись подкобы под прямых и более высоких начальников, чье место приглянулось какому-то проходимцу.

Надо было немедленно остановить эту вакханалию мстительных наветов, лжи, всевозможных разбирательств и уже вызванного ими страха. Мы слишком хорошо знаем, что так начинается красный террор. Оберегая свое моральное здоровье, общество обязано научиться, наконец, противостоять этому ползучему злу, как научилось, судя по трем августовским дням, собой преграждать дорогу танкам реакции.

Надо защищать военных, милицию, сотрудников госбезопасности — всех тех, кто не стал прямым соучастником заговорщиков. Их служба подневольна приказам, уставам, присяге, и они не продали свои души заговорщикам. Пусть каждый из них станет судьей самому себе, своим действиям.

Если мы не сумеем собрать разбитое в осколки наше общество, не прекратим, наконец, всеобщий «раздрай» и не придем к взаимному согласию, то неизбежно отдадим победу демократов завтрашним или послезавтрашним авантюристам, сумеющим-таки сыграть на народных невзгодах, на трудностях, которых нам хватает.

Крайне важно вылечить и держать постоянно в добром политическом, моральном здравии правоохранительную систему, выдвинувшую в уголовную компанию сталинских палачей — Ягоды, Ежова, Берии — теперь и Крючкова.

По предложению мэрии, правительства Москвы штатские люди пришли к руководству столичными правоохранительными органами. Это глубоко порядочные люди, интеллигенты с острым умом, широким кругозором — молодые воспитанники демократического движения. Они, не подчиняясь слепо приказам, не позволят втягивать «человека с ружьем» в противоправные игры. Да и сама возможность появления таких приказов исключится, потому что вся правоохранительная система страны, республик претерпевает решительные перемены.

Говорят, что, если бы путч не случился, его надо было бы придумать. Так могут «шутить» лишь те, кто не смотрел

опасности в лицо. Очистительную грозу устроила не хунта, а молодая демократия, сумевшая впервые в многовековой истории России устоять перед натиском реакции.

Судьба пока уберегла наше многострадальное Отечество от ужасов гражданской войны, в которую могли ввергнуть ее заговорщики. Болезненный нарыв прорвался без вселенской крови, и страна вздохнула с облегчением, полной грудью.

И как ни странно, ни обидно, стала появляться опасность, проистекающая от толпы лжеродителей августовской победы, готовых безжалостно растерзать ее в клочья ради сиюминутных выгод.

Конечно, ни одно общество не может развиваться без противоречий, не преодолевая препятствия, не разрешая конфликты. Но конфликты конфликтам рознь, и не уйдем мы далеко от самих себя теперешних, если не станем учиться на собственных ошибках.

НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ НА РАЗВАЛИНАХ

Август сломал хребет не только коммунистической партии, советскому великодержавному милитаризму и родной ему вездесущей карательной системе, охранявшей прогнивший строй и его вождей от народа. Вместе с нашкодившим союзным правительством, выдвинувшим свою «элику» в состав хунты, рухнул, перестал существовать и более не возродится экономический центр огромной страны в прежнем его виде всеобщего управителя и распределителя всех благ.

Круги от событий в Москве пошли по всей стране.

Не без оснований испугавшись хунты, угрожавшей не только столице, бросились наутек из Союза практически все республики, даже те, кто прежде не очень-то громко и уверенно провозглашал свою государственность. Некогда могучая империя развалилась вконец.

Но жить на развалинах, тем более бежать по ним — занятие не из приятных, да и опасное. Вот почему бегущие вскоре стали оглядываться, кричать «ау!» в надежде, что кто-то окажется по соседству, услышит, поможет. По-научному это называется единым экономическим пространством.

Сразу после путча был образован временный комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР. Решение о создании временного комитета приняли на совещании у Президента страны 24 августа (мне поручили быть одним из заместителей председателя комитета).

Вскоре перемены начали стучаться и в этот «дом». На заседания комитета представители республик стали ходить с величайшей охотой, никто здесь не кричал о своей самостоятельности. И прибалты, еще недавно с треском захлопнувшие за собой дверь — отделившиеся и образовавшие самостоятельные государства — вели себя по-деловому и дружелюбно. Надо быть врагом самому себе, своему народу, чтобы пытаться выбраться со дна экономической пропасти, расталкивая локтями друг друга.

Опасность, как ни удивительно, подстерегла нас с неожиданной стороны.

Можно, хоть и нежелательно, если мы задумали жить в цивилизованном обществе, свергать Свердлова, Калинина, другие фигуры-памятники деятелям Октябрьской революции, хотя очень многие из них художественной ценности не представляют. «Свергать» же остатки центральных органов СССР, чтобы занять их место чем-то подобным, но теперь окрашенным в цвета российского флага, опасно для всех, включая саму Россию. Это будет самый горький плод победы демократии над хунтой. Да, Россия, Москва — родители победы, но за ними стояла огромная страна. Она и теперь — будем помнить — стоит.

Так распорядилась судьба — русские объединяли вокруг себя многие соседние народы, создали общее государство, не в обиду другим называемое за его пределами емко — Россия. И сегодня, на исходе второго тысячелетия от Рождества Христова, судьба снова призвала ее творить историю, как в 1812-м противостоять Наполеону, как во вторую мировую войну — гитлеровскому фашизму. Москва, Россия разгромили великодержавный коммунистический путч ради свободы своей и всех народов нашей великой страны. Только политический пройдоха или в лучшем случае слепец возьмет на себя смелость утверждать, будто самое горячее признание далекого Буша спасло бы Прибалтику от нашествия победивших крючковых, язовых, Лукьяновых.

Августовская победа подводит итоговую черту истории не только под летопись КПСС, но и Российской империи, ее преемника — СССР. На этом всемирного знака повороте России снова отведена первая роль: отпустить с миром, пожалть руку тем, кто хочет уйти, протянуть руку тем, кто хочет идти вместе.

Многие века русские, Москва, Россия оставались главной силой и символом пространств от Балтики до Тихого океана, где «свой закончили поход». Останемся же великими, великими на современный — после Августа — лад: не ста-

нем «тащить одеяло на себя»), возрождать русскую великодержавность в модных демократических одеяниях.

Коммунистический путч и последовавшее падение союзного правительства, возглавляемого Павловым и по существу готового плясать под дудку самозванного чрезвычайного комитета, вынудили Президента России Бориса Николаевича Ельцина на крайнюю меру: он издал указы, которыми обязал союзные ведомства вести все дела под присмотром республиканских — российских, а то и просто им подчиняться. Это было совершенно правильно, иначе не удержать бы бразды управления страной (по возвращении Президент СССР одобрил эти шаги). Но вечно так продолжаться не могло.

Столь же необходимым, правильным был следующий шаг: создание, когда миновали тревожные дни, временного комитета по управлению народным хозяйством, где по праву председателем стал российский премьер, затем произошло заключение Договора об экономическом сообществе, подписанного рядом республик.

Наверное, впервые за всю историю и Государства Российского, и СССР Центр перестал управлять и распределять, рассылая команды, а взялся налаживать взаимодействие, взаимопомощь. Тут бы российскому правительству провести границу между своим и не своим, тут бы отменить некоторые уже исчерпавшие себя чрезвычайные указы Президента России. Увы, сразу что-то не получилось.

Дело доходило до смехотворных мелочей. Создавая, например, свое могучее ведомство материально-технического снабжения (кстати сказать, очень нужное всем в стране), поспешили с маху уволить пятерых заместителей союзного министра материальных ресурсов и занять их кабинеты руководящими снабженцами из российского Госснаба. Конечно, тогда уже недолго оставалось ждать исчезновения этого и большинства других союзных ведомств (уход союзного правительства не означал их автоматической ликвидации), но негоже бежать впереди событий, действовать, не испросив общего согласия республик, ничего не создавая взамен разрушаемого.

С удивлением, опаской взирали на подобные российские новации остальные республики.

Без всякого преувеличения можно сказать, что будущее бывшего Союза во многом зависит от того, как молодая демократия России распорядится плодами Августа. Наши разговоры с Б.Н.Ельциным не могли обойти столь важные проблемы. Он прекрасно понимает все до тонкостей, чего,

к сожалению, нельзя было сказать о его ближайшем окружении.

ЭТО МОЖЕТ ПРИСНИТЬСЯ В КОШМАРНОМ СНЕ

Скажу несколько слов на неожиданную для меня тему, давшую себя знать на страницах (вот удивительно!) прессы с демократическими традициями.

По совершенно непонятным мне причинам (быть может, вылезли из-под кроватей после трехсуточного там сидения домашние аналитики и взялись оправдывать себя и себе подобных) зловеший заговор всех власть в стране имущих, включая КГБ, МВД, Минобороны, пытаются представить безобидной опереткой. Войска вошли в Москву якобы лишь для того, чтобы просто стоять (зачем же в город везли и везли боеприпасы?), путчисты будто были и остались такими паиньками, решив поиграть в «войну». Маразм таких умозаключений дошел до того, что победа приписывается советским и зарубежным радиоголосам, устроившим по хитрому плану на весь мир истерику в эфире, сообщая о движении танков, и в результате путчисты, убоявшись, разбежались.

Ложь остается ложью, кощунство — кощунством, независимо от того, чем вызваны — заблуждением, злонамеренностью ли. Опереточные баррикады... Опереточные танки и опереточные артисты перед ними... И опереточная сцена — тоннель под Новым Арбатом, где трагической ночью пролилась кровь?

Враг не нуждается в оправданиях — оставим это адвокатам на суде. Не нуждается в защите поднявшаяся на борьбу Москва — она написала одну из прекраснейших страниц в свою тысячелетнюю историю.

Оставим опереточные рассуждения на совести их авторов (демократия есть демократия), но одновременно представьте себе наше общество в конце 1991-го, если бы победили путчисты. Такое могло бы привидеться только в кошмарном сне.

Немедленно состоялось бы возрождение всеобщего единомыслия, но без хорошо знакомых нам и незнакомых лиц, нашедших свой приют в местах печально известных по книге Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (иных уж нет, а те — далече). Многих газет мы бы недосчитались (и газетчиков — тоже). Наступил бы конец предпринимательству и вместе с ним конец надеждам на оздоровление экономи-

ки. Наше телевидение непрерывно показывало бы «Лебединое озеро» (напомню, что почти весь день 19-го этот прекрасный балет демонстрировала первая программа — единственная тогда). Вернулась бы на круги своя гонка вооружений (пушки вместо масла!), и снова начала бы расти угроза войны. «Опереточный путч» стал бы жуткой жизненной трагедией для миллионов соотечественников, государства, для всего мира.

Меня не тревожат опереточные рассуждения в некоторых уважаемых мною газетах. Люди сами разберутся, что к чему.

Меня тревожит совсем иное: не проворонить бы, заснув под бездумные, беззаботные опереточные трели, новые опасности, которые наверняка ждут нас впереди.

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ ПРОЩАЕТСЯ С КОММУНИЗМОМ

На третий день после провала путча, в субботу, 24 августа, нас с Г.Х.Поповым пригласили к Президенту страны, вернувшемуся из своего крымского заточения. Это была первая после августовских событий наша с ним встреча.

Совещание, на котором предполагалось обсудить положение в стране, было долгим и охватывало широкий круг проблем. Оно предшествовало заявлению М.С.Горбачева о сложении с себя полномочий Генерального секретаря ЦК КПСС. То был один из первых результатов разгрома коммунистического путча. Да, именно коммунистического. Терявшая авторитет, по существу разваливавшаяся коммунистическая партия стала, как говаривали прежде, вдохновителем и организатором этого противозаконного, антиконституционного, крайне опасного переворота. Вдохновляла и организовывала, конечно, не вся многомиллионная партия, с которой рядовые коммунисты давно уже потеряли реальную связь, перестали ходить на собрания, платить взносы, а бюрократическая верхушка. Она включала в себя очень многих руководителей-бюрократов: начиная от влиятельнейших бонз — секретарей ЦК КПСС — и кончая секретарями партийных комитетов крупных предприятий и организаций.

Стали известны шифротелеграммы, направленные секретариатом ЦК КПСС — ЦК компартий союзных республик, райкомам, крайкомам, обкомам. Одна из них была передана около 11 часов утра 19-го и требовала «принять меры по участию коммунистов в содействии ГКЧП».

Мне довелось в дни путча наблюдать ряд «руководящих товарищей» из КПСС. Они не могли скрыть своего ликования: были полностью уверены в победе и возрождении партии, ее власти над людьми, страной. Как ничемные были отброшены всякие демократические словеса, увертки, и снова явился хищный оскал «рулевого», готового повернуть страну на прежнюю, гибельную дорогу. Нетрудно догадаться, какая рука водила пером, порождая «Обращение к советскому народу» чрезвычайного комитета, по реакционной сущности (если отбросить гнилую приманку — нереальные посулы лучшей жизни) близкое к известному реакционному «коммунистическому манифесту» Нины Андреевой, опубликованному весной 1988 года газетой «Советская Россия» и вызвавшему бурю протеста демократической общественности страны.

Каково же было удивление, когда мы услышали первые после форосского заточения слова Президента СССР, поспешившего, едва сойдя с трапа самолета, объясниться в любви к партии, Генеральным секретарем ЦК которой он продолжал себя числить. Столь же странной была и его первая пресс-конференция.

На совещании в субботу — через два дня — все «коммунистическое» уже ушло в прошлое, хотя лица ближайшего окружения (за исключением арестованных путчистов) были прежними и хорошо знакомыми. Хотелось объяснить это невозможностью сразу изменить состав доверенных людей.

Я знаю, Президенту поспешили доложить о том, что после 28 марта, когда в Москву по его указанию были введены войска и закрыт доступ демократической демонстрации на Манежную площадь, я снял большой портрет генерального секретаря, висевший в моем служебном кабинете. Это не добавило теплоты нашим отношениям, и прежде не отличавшимся особой взаимной симпатией. Теперь, 24 августа, и это, как показалось мне, Президент сумел отбросить, изменив свой взгляд, конечно, не столько на меня лично, сколько на новую, демократическую Москву, где решилась в три августовских дня его судьба как государственного деятеля и просто человека. Да и сам факт нашего с Гавриилом Харитоновичем Поповым приглашения говорил о многом.

Текст «отречения», вскоре опубликованного в газетах, обсуждали деловито, спорили без каких-либо предвзятостей. Мы предложили более радикальные формулировки. Михаил Сергеевич остановился на других — помягче, оставив прежней суть. В конце концов это его личное заявление, и он сам был вправе выбирать слова.

Но как бы ни звучало отречение, оно поставило точку в вековой истории Коммунистической партии Советского Союза.

Эта партия сошла с политической арены, а вместе с нею и дворцовые перевороты, дворцовые интриги, с помощью которых правящая верхушка назначала и смещала своих вождей, значит, и вождей страны, а миллионы коммунистов, беспартийных дисциплинированно склонялись перед ними.

Возродится ли у нас коммунистическая партия в новом обличье? Гадать не берусь, особо если вспомнить рассуждения великого нашего философа Николая Бердяева об истоках и смысле русского коммунизма. Твердо знаю одно: коммунистические лидеры должны понести наказание за прямое содействие заговорщикам, и пусть ни один волос не упадет с головы рядовых членов партии даже в том случае (беру на себя смелость сказать), если они в душе сочувствовали чрезвычайным «идеям», но не замарали себя действиями им в угоду.

Пусть люди, исповедующие коммунистическую веру, организуют для себя новую партию — парламентскую, существующую в рамках закона, борющуюся на выборах за голоса избирателей, а не претендующую на вековую власть и ради этого устраивающую заговоры, путчи. Нельзя преследовать, наказывать за идеи. Больше того, по моему разумению, часть собственности бывшей КПСС может быть передана законопослушным движениям, от нее отпочковавшимся или вновь возникшим.

Общество, ущемляющее меньшинство (думаю, немногие соберутся сейчас под коммунистические знамена), раньше или позже поголовно окажется в оковах.

ЭПИЛОГ, НО НЕ КОНЕЦ ЭТОЙ ИСТОРИИ

Я не знаю, кто возьмется сейчас, кроме разве что профессиональных гадалок или глубокомысленных астрологов, предсказывать хотя бы и на короткий срок развитие событий на просторах бывшего Советского Союза или даже одной его части — России. Я, не причисляя себя ни к ним, ни к политологам, нижесказанное отнесу к мыслям вслух, к разговору самого с собой, а не к математическому, логически стройному расчету, ибо перемены в нашем Отечестве носят не количественный, а качественный характер. Мы — на крутом повороте, переломе, и оценку хода его и последствий доверю любящей душе, но не холодному рассудку.

Первый и главный вопрос, задаваемый мною себе, звучит зловеще. Возможен ли новый путч, похожий на тот, что пережит в августе 1991 года? Глубоко убежден, что это волнует и моих соотечественников, и весь мир. Возможен ли? Нет, нет и нет!

История учит, что попытки вернуть народ, страну в прошлое — счастливое ли, трагическое — завершаются крахом. Кремлевские путчисты образца 1991 года были рабами своего собственного прошлого и проиграли. Их программа, если уж называть таким значимым словом беспомощное бляение, продемонстрированное заговорщиками 19 августа в газетах и на телеэкранах, была просто набором пустых слов. Как говорят на Востоке, из кувшина можно вылить лишь то, что в нем содержится: ни привлекательных для большинства народа реальных обещаний, ни заворачивающих лозунгов найдено не было.

Следующий вопрос. Есть ли угроза нового путча под другими знаменами, прежде всего под наиболее опасными — фашистскими? Я был бы неискренним, когда б легкомысленно сбросил со счетов эту опасность.

Перемены, включая и самые решительные, в цивилизованном, сытом обществе проходят обычно в рамках здравого смысла, оборачиваются минимально возможными потерями и уж во всяком случае не ведут к кровопролитию. Мы же голодны, нецивилизованны политически и экономически, у нас рушится все старое, повсюду порождая хаос и анархию. То, что может случиться в таких обстоятельствах, в истории написано кровью. Достаточно обратиться памятью к двум путчам: коммунистическому, большевистскому в 1917 году в России и к фашистскому, гитлеровскому в начале тридцатых годов в Германии. Что они принесли этим странам, миру, общеизвестно.

Первый сигнал такой опасности в 1991 году в СССР громгласно прозвучал на выборах Президента России, когда один из соперников Бориса Ельцина получил шесть миллионов голосов, завоеванных, как убеждены простодушные интеллигенты, шизофреническими, смешными выкриками кандидата. Но они нашли отзвук в сердцах этих миллионов, представленных в значительной части молодежью. Простое и скорое решение насущных проблем очень заманчиво для люмпенов всех слоев населения, для ослепленных злобой недовольных, для примитивного мышления. По мере нарастания трудностей: ухудшения снабжения продовольствием, закрытия при дальнейшем спаде производства предприятий и увеличении числа безработных, резком сокращении армии, обострении межнациональных конфлик-

тов, либерализации и повышении цен при переходе к рынку — к шести миллионам могут добавляться новые и новые. Призывы бастовать, выходить на улицы уже раздаются то тут, то там. Когда найдется умный и беспринципный лидер, способный сыграть на всем этом, фашистский путч обретет черты реальности.

Последнюю дверь фашизму в России, остальных республиках откроют наши и, подчеркну особо, зарубежные политики, если по-прежнему будут заниматься междуособицами и плестись в хвосте событий, как это было в предыдущие, именуемые перестройкой, годы, когда они шарахались то от одного, то от другого неожиданного для них взрыва.

Я склонен прислушаться к голосу тех, кто связывает августовский путч и с происшедшей незадолго до него встречи Михаила Горбачева в Лондоне с большой «семеркой», которая окончилась практически безрезультатно для тогда еще существовавшего Советского Союза.

Пока у нас нет фашистского фюрера, но есть те, на чьих плечах он может вознестись. От наших и, повторю, зарубежных политиков зависит, будут ли эти мрачные силы набирать мощь или таять, смыкаться с православием, исламом или разобщаться с реакционным национализмом, шовинизмом, религиозным фанатизмом. Рухнувший коммунистический идол оставляет после себя пустоту, а в России, как говорят некоторые, без иконы жить не могут.

Наивно было бы хоронить прежде времени и многоликую коммунистическую опасность. Фундаменталисты-коммунисты торопятся натянуть на себя демократические одежды цветов национальных флагов, прикрываются лозунгом о социальной справедливости, равенстве, защите интересов простого народа, которого при переходе к рынку новоявленные капиталисты собираются нещадно эксплуатировать. В деревнях, небольших городках ловкие функционеры заблаговременно успели убежать с тонущего коммунистического корабля, обосновались в различных государственных учреждениях, и эта стая, связанная круговой порукой, продолжает диктовать свою волю населению, ожидая реванша. Перечить им, снова начальникам, бояться.

Еще одна серьезная опасность — быть погребенными под развалинами рухнувшей Советской империи, если у нас повторится трагедия Югославии, но по огромности масштабов с ней несоизмеримая. Не только Европа, мир вздрогнет от этого «ядерного удара» национализма.

Пятьдесят миллионов (!) человек, из них половина русских, живут не на территории своих республик, границы

между которыми проводил, как ему вздумается, Сталин своим карандашом. Какие мины были при этом заложены, показывает кровавый конфликт Армении с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха.

Сейчас между практически всеми республиками, провозгласившими свою самостоятельность и государственность, идет «бракоразводный процесс», и конца ему пока не видно. Делят собственность, золотой запас страны, армию — все всё хотят. Ряд республик претендует на часть ядерного оружия, что может дестабилизировать безопасность в Европе, мире. И практически нет желающих брать на себя свою долю долгов западным кредиторам.

Я верю, что когда-нибудь веками жившие вместе народы снова потянутся друг к другу. Теперь же самое важное — не побить посуду при разводе.

Конечно, трудно выбираться из пропасти поодиночке, и, если удастся сохранить какие-то хозяйственные связи, закреплённые то ли общим соглашением ряда республик о экономическом сообществе, то ли двусторонними договорами, лучше будет всем.

При всем вековечном стремлении русских к собиранию земель, не исчерпанном в народной воле и поныне, сама Россия стоит на перепутье. «Неблагодарность» соседних народов будит желание хлопнуть дверью и зажечь самостоятельной жизнью, относясь к недавним соотечественникам как к подданным других государств. Есть иная крайность — провозгласить себя правопреемником распавшегося Союза, взять бразды правления в свои руки и продолжать слать из Москвы приказы и указы во все концы. И не надо, говорят, дожидаться, пока саму ее, издавна многонациональную, как и Союз, основу которого она составляла, начнут сотрясать внутренние распри. Если же какая-то из бывших соседок-республик захочет присоединиться, то пусть изволит подчиняться всем условиям России, «не брыкаться» в дальнейшем... Наверное, истине, как всегда, соответствуют не крайности, а середина.

Бесчисленное множество причин и следствий определяют пути в третье тысячелетие России, всего того, что недавно называлось Советским Союзом, и, кажется, не в силах обычного человека начертать какой-то план, обеспечивающий нашу всеобщую безопасность и будущее благополучие. Лишь выдающимся, планетарного масштаба политикам это под силу. Уповая на их приход, позволю себе оценить тех, кого имеем.

Наша молодая демократия пока пробирается ощупью, необходимого ей и привычного для большинства стран раз-

деления властей практически не существует. Представительная и исполнительная власти всех уровней находятся в постоянной конфронтации, судебная — робко оглядывается по сторонам и уже стала получать руководящие указания новых депутатов. Да, они победили на выборах под демократическими лозунгами, но начинают вести себя по знаковым и привычным образцам общего для нас шизофренического прошлого, копируя коммунистических властелинов.

Противостояние представительной и исполнительной властей вполне нормально для нормального общества. У нас же при отсутствии элементарной политической культуры и разгуле всевозможных амбиций, безудержной борьбе за «командные высоты» это парализует любые разумные действия, срывает проведение экономических, социальных реформ. Вот почему в народе созрело желание иметь сильную исполнительную власть, по природе своей призванную действовать смело, решительно и к этому готовую. Нам, однако, остается провести четкую границу между сильной исполнительной властью и диктатурой, в поползновениях к которой иногда обвиняют Бориса Ельцина.

Не могу согласиться с такой его оценкой при всем понимании, что это, как я уже говорил, сильная, импульсивная личность, «мутант» партаппарата, воспитавшего и вознесшего его на вершины власти. Ныне он — народный герой, революционный лидер. При всем при том на огромных пространствах России нужна еще жесткая вертикаль исполнительной власти, подчиненная находящемуся в ее верхней точке Президенту.

Михаил Горбачев — прямая противоположность Борису Ельцину. Противоположности обычно сходятся, и волею судеб оба они демонстрируют это миру.

Политологи называют М.Горбачева убежденным эволюционистом, чему приводят различные доказательства. Одно из главных — его игра с реакционными силами, которые он пять лет водил за нос, не давая им погубить свое детище — перестройку. Были уступки и компромиссы, победы и поражения, но он достиг цели — пробудил страну, народ от спячки, позволил подточить корни коммунистического владычества в политике и экономике, что обусловило разгром заговорщиков в августе и окончательно избавило народ от проклятого прошлого. Своего рода подтверждением таких рассуждений служит сама судьба Бориса Ельцина, осмелившегося в его бытность первым секретарем Московского горкома КПСС выступить против партийных верхов и поплатившегося отставкой за свой вызов. Без искусства лавировать нет политика.

Однако оно может зайти далеко и завести далеко: отдать себя и свое дело на милость противнику. Август — тому яркое свидетельство. Тут проиграл Горбачев и выиграл характер, ему противоположный, — Ельцин. И вместе с тем они оказались тогда союзниками.

Не берусь судить, сколь долго продолжится сей альянс, объединяющий необходимейшие для политика качества — революционера и эволюциониста, Ельцина и Горбачева. Пока не выросло и не заявило о себе новое поколение политиков, уповать остается только на них, их союз.

После Августа, когда уходили день за днем, неделя за неделей, Бориса Ельцина стали критиковать за то, что он медлит с проведением реформ, упускает время, что он неожиданно покинул Москву и направился отдыхать в Сочи. Уверен, это была не потеря времени, темпа, заданного августовской победой, а подготовка к принятию ответственных решений.

И вот на всю страну снова прозвучал голос Президента. Обращаясь к пятому Съезду народных депутатов России, собравшемуся в конце октября 1991 года, он заявил:

— Я принял самое важное в своей жизни решение, и, если будет ваша поддержка и вера, готов пройти с вами этот путь до конца...

В один из самых критических моментов истории, когда определяется дальнейшая судьба нас и последующих поколений, Борис Ельцин, по его словам, пришел к самому важному решению в своей жизни — стал во главе правительства России и огласил программу реформ, ибо сделанные после августа выводы показывают, что альтернативы демократическому развитию нет. Поле для реформ разминировано. Осуществляя их, есть возможность в недалеком будущем добиться стабилизации, преодолеть сегодняшнее нетерпимое положение: хаос в экономике привел к тому, что пятьдесят пять процентов семей стали жить ниже уровня бедности.

Реформы невозможно провести безболезненно. Наиболее труден первый шаг — либерализация цен. Ставка сделана на подлинную приватизацию, создание частного сектора в экономике, реальную земельную реформу и поддержку фермерских хозяйств. Эффективнее станет налоговая система, усилится социальная защита слоев населения с фиксированными доходами.

При формировании правительства народного доверия Борис Ельцин отошел от политических соображений и отдал предпочтение высокому профессионализму соратников с тем, чтобы это была настоящая «рабочая команда»...

Я принадлежу к числу оптимистов: верю в счастливую звезду Отечества и потому свои записки хочу закончить на оптимистичной ноте.

Воспользуюсь для этого, ради объективности, высказываниями нового посла США в Москве Роберта Страуса, приехавшего к нам осенью 1991 года.

— Россия — страна удивительной потенциальной силы, — говорил он на своей первой встрече с журналистами. — Эта сила заключена не только в ее колоссальных размерах, в полезных ископаемых. Эта сила — в ее людях.

А на вопрос: «Вложили бы вы в советскую экономику свои собственные деньги?» — последовал недвусмысленный, без дипломатических уверток ответ:

— Да, вложил бы. И посоветовал сделать такие вложения своим детям.

**БОРИС ЕЛЬЦИН, Президент России:
«Эта книга — «72 часа агонии»,
написанная по горячим следам событий
и прочитанная мною не отрываясь,
навсегда останется в моей личной
библиотеке».**

Этим трем дням - 19, 20 и 21 августа 1991 года - суждено навечно войти в историю.

Эта книга - «72 часа агонии», написанная по горячим следам событий и прочитанная мною не отрываясь, навсегда останется в моей личной библиотеке как память о борьбе и победе над силами зла.

Об августе 1991-го еще будет немало сказано самими участниками событий, журналистами, политологами, историками, но, убежден, немногому удастся стать в один ряд с «72 часами агонии» - правдивым в мельчайших деталях и вместе с тем глубоким по анализу повествованием, эмоционально запечатлевшим тревоги и веру нашей борьбы, счастье победы над коварным врагом человечества и человечности, рядившимся в красные одежды. Хочется верить, что после такого поражения ему уже никогда не поднять головы на многострадальной земле России.

Да будет прочитана эта книга и теми, в ком еще теплится мысль повторить пройденное, вернуть вспять историю, снова надеть кандалы на умы и сердца людей. Прочитана, чтобы стать уроком, грозным напоминанием о неистребимом стремлении народа к свободе.

России, соединившей в себе мир Европы и мир Азии, Запад и Восток, самим провидением предначертано защищать собою планету от дьявольских экспериментов истории, предлагающей различные пути и каждый раз заводящей в тупик тоталитаризма, когда надо показывать новым и новым поколениям единственно верный путь - путь истинной в помыслах и делах свободы.

В двадцатом столетии российская большевистская революция 1905 года была первым предостережением, сигналом опасности воплощения на практике коммунистических идей. Он не был услышан русским народом, русской интеллигенцией, и разразился Октябрь 1917 года, открывший собой почти восемь десятков лет чудовищного по бесчеловечности коммунистического господства. Теперь мы видим, понимаем, что точка была поставлена не в 1985 году, положившем начало перестройке Михаила Горбачева, а в Августе 1991 года, когда был развязан и подавлен путч, организаторы которого попытались вернуть огромную страну к Октябрю 1917 года и все повторить сначала. Сегодняшняя Россия, ее молодежь, интеллигенция сделали то, что не сумели погубив-

шие себя предшественники, - отвергли коммунизм как идеологию, как политику, как образ мыслей и действий.

Десятилетия для вечности мельчайший миг, для человека - вся жизнь. Мы можем сейчас законно гордиться тем, что искупили вину и беду без вины виноватых, тех, кто был перед нами, что на пороге третьего тысячелетия защитили себя, детей, внуков от позорного столба, к которому пригвоздила безжалостная история великую по духу страну, получившую, наконец, право на свободу. Не под пугающим мир знаменем коммунизма войдем мы в новое тысячелетие, не на небесах, а на родной земле хотим обрести счастье.

Пусть же наш горький опыт послужит уроком всему человеческому роду.

Мир будет помнить о русском Августе 1991 года, как помнит Октябрь 1917 года, и должен знать своих сегодняшних героев – Москву, столицу России, москвичей.

Это они, презрев страх, положили себя на алтарь свободы, своими устами повторили славный подвиг - крик души всех и всегда: лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Плата за истинный прогресс всегда велика, и есть знак в том, что в ночь с 20 на 21 августа, в самые тяжкие часы борьбы, когда колебалась стрелка истории, погибли за нашу свободу рабочий, предприниматель и архитектор – три молодых москвича, символизирующие собою весь девятимиллионный город, всю Россию, весь мир.

Великодержавный коммунистический путч начался и кончился, был подавлен в Москве, не успев накрыть мраком всю страну. Собою москвичи преградили ему дорогу. Столице России выпала высокая честь явить миру свой прекрасный лик.

Вглядитесь в его черты, читая эту книгу.

Борис ЕЛЬЦИН

СВОБОДУ СЛОВА
НЕ ЗАДУШИТЬ
ДЕМОКРАТИИ

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

ОБРАЩЕНИЕ СОВЕТА УЧРЕДИТЕЛЕЙ "МН" ПОКА НЕ ПОЗДНО

Друзья!

Мы обращаемся к вам в этот день, когда выпуск "МН", как и многих других изданий, приостановлен. И все-таки не теряем надежды, что наш журнал будет услышан.

В стране совершается антиконституционный государственный переворот.

Это делают те, кто, камнями верховной власти, исподляя свои посты, задумали восстановить в стране карательный режим. Ради этого они идут на развязывание гражданской войны, на срыв подписания союзного договора и поспешное восстановление республик, на уничтожение тех элементов завоеваний здравого смысла и свободы, которые так тяжело давались стране в последние годы. Они готовы пожертвовать новыми взаимоотношениями доверия с мировым сообществом.

На что рассчитывают путчисты? На то, что в людях еще живет страх, унаследованный от прошлого, что вооруженные силы будут безоговорочно выполнять любые приказы. Рассчитывают, конечно же, и на ту горечь, негодование, которое переживает население из-за тяжелого экономического положения. Люди действительно устали от несправданных и ставка делается на их политическое равнодушие.

Мы решительно заявляем: реализация замыслов путчистов приведет к тому, что нынешнее тяжелое положение в стране станет абсолютно неосуществимым. Экономические реформы под ружьем не происходят - окончательный развал народного хозяйства неминуем. Добровольный союз не устанавливается силой - развал государства неизбежен. Введение чрезвычайного положения вопреки воле суверенных республик приведет к жесточайшему межэтническому столкновению, кровопролитию, к погружению в бедную гражданской войны. Допустить это в стране, обладающей ядерным оружием, значит подвергнуть свой народ и весь мир смертельной опасности.

Чтобы остановить трагическое развитие событий, остановить путч, мы призываем:

- поддержать усилия парламентов и правительств республик в их защите конституционных основ власти, противостояния государственному перевороту;

- не участвовать в пособничестве узурпаторам власти: наступит время - за это придется ответить;

- противостоять разгромам гласности, используя любые средства для информирования населения о действительном положении дел.

Мы призываем граждан России активно поддержать своего президента Б.Н.Ельцина в его решительной борьбе против провозглаза за нарушение законности.

Мы обращаемся к тем, кто обьявил себя Государственным Комитетом по Чрезвычайному Положению, - к О.Д.Бокланову, В.А.Крючкову, В.С.Ильичу, Б.К.Пуго, В.А.Степанубаеву, А.И.Фомичеву, Д.Т.Язкову, Г.И.Яковлеву: Если вы не до конца утратили здравый смысл, скажите с себя слова не поздно - захватившие вами властные функции. Пусть соберется съезд Народных Депутатов СССР, заслушает президента Горбачева и примет решения, необходимые для дальнейшего конституционного, демократического развития страны.

Амбарцумян Е.А., Богомолов О.Т., Гельман А.И., Друзь И.П., Захаров М.А., Карпинский Л.В., Карякин Ю.Ф., Клинов Э.Г., Левада Ю.А., Нудкин А.Н., Петраков Н.Я., Рыжов Ю.А., Сараскина Л.И., Черниченко Ю.Д., Шаталов С.С., Штосковский Б.Н., Яковлев А.Н.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (Указ третий)

Учитывая сложившуюся обстановку, постановляю:

Первому заместителю Председателя Совета Министров РСФСР тов. Добову О.И., члену Государственного Совета РСФСР тов. Яблокову А.В., члену Президиума Верховного Совета РСФСР тов. Красавченко С.И. организовать оперативное управление народнохозяйственным комплексом Республики и в случае необходимости обеспечить эффективность действия основных государственных структур.

Уполномочиваю для выполнения поставленной задачи привлечь от имени Президента РСФСР необходимых должностных лиц.

Всем организациям, расположенным на территории РСФСР, оказывать необходимое содействие.

Председатель РСФСР Б.Н.Ельцин

ЗАЯВЛЕНИЕ ГРУППЫ ЧЛЕНОВ И ЭКСПЕРТОВ КОНСТИТУЦИОННОЙ КОМИССИИ РСФСР

"Вооруженные Силы, сила безопасности и милиция не могут быть использованы в целях свержения демократического конституционного строя и законного правительства? воспрепятствования или ограничения деятельности парламентов и иных высших органов государственной власти, незаконных ограничений конституционных прав и свобод граждан, а также в иных целях, противоречащих основам конституционного строя Российской Федерации.

Нарушение данного положения Конституции является тяжким преступлением против народа."

Это - статья из проекта новой Конституции Российской Федерации, принятие которой давно назрело. Но совершивший в ночь с 18 на 19 августа 1991 года государственный переворот антиконституционен даже в условиях действия прежней Конституции СССР и РСФСР.

Мы решительно осуждаем антиконституционный путч, сопровождающийся противоправным использованием силы.

При введении Чрезвычайного Положения 18 августа 1991 года и связанных с этим мер допущены следующие нарушения своего законодательства:

1. На Конституцию СССР, на закон СССР о порядке чрезвычайного положения не предусматривают возможности создания такого органа как государственный комитет по ЧП /ГКЧП/, и, тем более, такой структуры, как руководство СССР в составе 1 заместителя Председателя Совета Обороны СССР, Вице-Председателя СССР и Премьер-министра СССР.

2. Согласно закону СССР о порядке ратификации, ЧП вводятся, объявляются: а) при стихийных бедствиях; б) при крупных авариях и катастрофах; в) при эпидемиях и эпизоотиях; г) при массовых беспорядках. Ни одно из них 18 августа 1991 года не произошло.

3. Согласно статье 2 указанного закона Конституционный Положение по всей стране может ввести только Верховный Совет СССР, в отдельных местностях - Президент СССР по просьбе или с согласия Председателя Верховного Совета или высшего органа государственной власти. И, в соответствии Съезда народных депутатов или Верховного Совета соответствующей союзной республики. При его отсутствии решение о введении ЧП должно быть немедленно вынесено на утверждение ВС СССР, для чего требуется большинство не менее 2/3 общего числа ВС СССР.

4. Кроме того, согласно статье 3 закона, наряду с местом и сроком должны быть указаны границей его действия. Как следует из объявленного сообщения, чрезвычайное положение вводит в отдельных местностях, именно территориально границы действия этого закона не определены. Более того, компетенция ГКЧП распространяется на всю страну. В таком случае, установленная законом процедура и введения ЧП не соблюдены.

5. Что же касается ГКЧП, то его нельзя рассматривать как специальный арсенальный орган, предусмотренный законом быть немедленно ликвидирован последним чрезвычайным обстоятельством, но существует он - Кабинет Министров СССР, и из компетенции не может исключаться на соответствующие полномочия.

6. Из объявленного сообщения членам 4 Экспертной Конституционной группы РСФСР заявлено: решение Президиума СССР и руководителю СССР о введении ЧП и о введении ГКЧП не могут считаться действительными. Однако это решение не может быть рассмотрено Верховным Советом СССР или Комитетом

В ЦК КПСС идёт

форсированное уничтожение документов

~~Список~~

срочное Распоряжение СН ССС

- временно приостановить деятельность здания ЦК КПСС

~~Бурбулис~~

Лужков отключил электроэнергию

Сила для выполнения распоряжения

Президента СССР - Генсека у

Лужкова есть

Бурбулис

МОСКВА

МЭР

РАСПОРЯЖЕНИЕ

22 августа 1991 г. № 125рм

О приостановлении деятельности организаций КПСС и ЛДПСС г.Москвы, оказавших содействие путчистам в организации государственного переворота

Учитывая участие ряда руководителей Московского городского комитета КПСС и его районных организаций, а также организаций ЛДПСС в противоправной, антиконституционной деятельности, способствовавшей путчистам в организации государственного переворота, в соответствии с решением сессии Московского Совета от 22.08.91 г.:

1. Временно, впредь до окончания расследования с участием Комиссии, образованной Московским Советом, степени участия организаций КПСС и ЛДПСС в осуществлении путчистами государственного переворота 19 августа 1991 года приостановить 22 августа деятельность Московского городского комитета КПСС (с 16 часов 30 минут), районных организаций КПСС (с 17 часов 30 минут) и организаций ЛДПСС (с 17 часов 30 минут).

2. ГУВД (т.Мыриков Н.С.) произвести опечатывание всех служебных зданий и помещений, занимаемых Московским городским комитетом КПСС, райкомами КПСС, а также организациями ЛДПСС и взять их под охрану.

3. Московской городской телефонной сети (т.Комаров В.Н.) отключить 22 августа 1991 года с 17 часов телефонные аппараты, а Комитету по энергетике (т.Рекк Б.А.) - электроосвещение в помещениях административных зданий МГК КПСС, райкомов КПСС и организаций ЛДПСС.

4. Предложить руководству КГБ СССР отключить с 22 августа 1991 года с 17.00 правительственную связь АТС-1 и АТС-2, установленную в помещениях административных зданий МГК КПСС и райкомов КПСС.

5. Просить Московского транспортного прокурора т.Скаредова Г.И. дать правовую оценку деятельности начальника Мосметрополитена т.Дубченко, самовольно изменившего режим работы метрополитена 20 августа 1991 года.

П.п. Мэр Москвы _____ Попов

Разослано: тт. Попову Г.Х., Лужкову Ю.М., Генчару Н.Н., Шахновскому В.С.,
Гузд-40 экз., префектурам административных округов,
Моск.гор. телефонной сети, КГБ СССР.

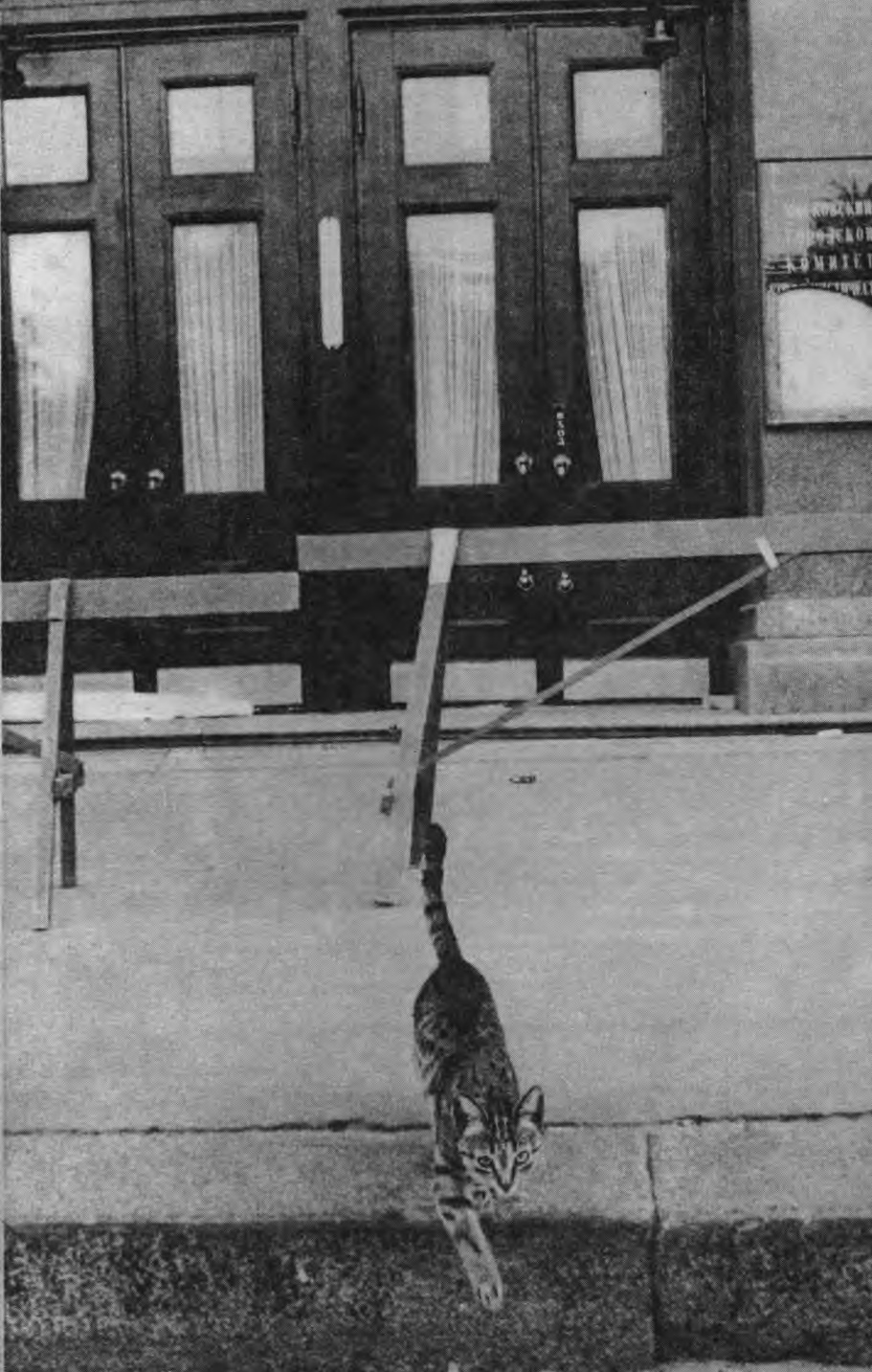

В 1982 году по 1982 год
в качестве председателя
Государственной комиссии
по охране окружающей среды
и рациональному использованию
земельных ресурсов СССР
и членом Государственной комиссии
по охране окружающей среды
и рациональному использованию
земельных ресурсов СССР

АНДРОПОВ

13006. Окружной пер. 43

1-16-781 от 21.08.1991

ДОНЕСЕНИЕ

(21.08.91 на 10.00)

20 августа 1991 года в местах скопления людей - Манежная площадь, Советская площадь, Краснопресненская набережная, обеспечено выполнение следующих вызовов и оказана медицинская помощь бригадами Станции скорой и неотложной помощи.

1. Труп Усова Владимира Ивановича, 30 лет, с открытой черепно-мозговой травмой взят по адресу: Калининский проспект у Проточного переулка. Вызов сделал Лебедевым 21.08.91 в 0.41. Бригадой № 43 (подстанция № 4) труп в 1 час 43 мин. доставлен в морг № 2. (№ вызова 108450)

2. Труп Комаря Дмитрия Алексеевича, 23 лет, взят с ул. Чайковского с закрытой черепно-мозговой травмой, скальпированная рана головы, сдавление грудной клетки. Травмы несовместимы с жизнью со слов милиции, получены под Калининским проспектом в тоннеле. Труп доставлен в морг № 5. Вызов № 108514 выполнен бригадой № 21 подстанции 24 21.08.91 с 0.58 до 2.50.

3. Труп неизвестного мужчины, около 25 лет, доставлен с ул. Чайковского в морг № 5. Открытая черепно-мозговая травма, огнестрельное ранение под вопросом. По словам милицидтрама получена в тоннеле под Калининским проспектом. Вызов выполняла бригада № 27 (подстанция № 24) с 0.58 до 2.50.

Оказана необходимая медицинская помощь следующим обратившимся:

1. Эстеров Геннадий Арсентьевич, 57 лет, с диагнозом пулевого ранение в грудь доставлен в городскую клиническую больницу № 1 им. Пирогова. После оказания помощи больной отпущен домой (вызов № 108445 бригада № 32, подстанция № 4).

2. Хринов Артем Анатольевич, 26 лет, с диагнозом огнестрельное ранение шеи 21.08.с.г. в 2.10 доставлен в НИИ скорой помощи им.Склифосовского (вызов 109005, бригада № 9 Центральной подстанции).

3. Чистяков Владимир Петрович, 19 лет, с диагнозом перелом лопаточной кости госпитализирован в НИИ им.Склифосовского 21.08.с.г. в 2.15 (вызов 107461, бригада № 22, подстанция № 2).

4. Чуринов Сергей Владимирович, 34 лет, огнестрельное ранение голени, от госпитализации отказался, оставлен на месте. В 1 час ночи самостоюм обратился в НИИ им.Склифосовского (вызов 109353, бригада № 1, подстанция № 1).

Со слов милиции, ранение получено в тоннеле под Калининским проспектом.

5. Вертильный Геннадий Николаевич, 32 лет. Сбивное огнестрельное ранение мягких тканей плеча, от госпитализации отказался (вызов 108910, бригада № 8, подстанция № 21).

Зарегистрировано 12 безрезультатных (ложных) вызовов.

За период ночных событий с 20 на 21 августа с.г. в травматологические пункты поликлиник обращений не было.

Иван Начальник
Главногo медицинскогo
управления Мосгорисполкома

И.Рем

Р.Г.Ануфриев

НА ЭТОМ
БИНТЕ
КРОВЬ
ДЕВЯТОГО МАЯ

ХУННЕ ИЗА
МАНАЕВА
УКОВОДСТВО ЯНАЕВ

**АРГУМЕНТЫ
ФАКТЫ**

Мерсанти

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

КУРАНТЫ

MEGAPOLIS
EXPRESS
МЕЖНАРОДНОЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ПЕЧАТЕНИЕ

**СВОБОДНЫЕ
НОВОСТИ**

МОСКОВСКИЙ
КОМСОМОЛЕЦ

НЕЗАВИСИМАЯ
ГАЗЕТА

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА

российские
ВЕСТИ

ТОЛЩИЦА

Дорогие чи

«Общая газета», ко
была выпущена совм
напечатана в Москве
Она распространяла
какой-то объективно

Сейчас, - когда в
порядок, наши изд
работы - все очер
решили еще раз -
отпечатать «Общую

В бшная ета

Зарегистрирована специальным решением
Министерства печати и информации России
20 августа 1991 года. Рег. № 1054

атели, друзья!

рую вы держите в руках, в дни мятежа
тными усилиями многих журналистов и
Ленинграде на ксероксах и ротапринтах.
там, где собирались люди, ждущие хоть
информации о происходящем.

ране восстановлен конституционный
мя возвращаются к обычному режиму
ные номера выйдут в срок. Но мы
теперь уже в нормальной типографии —
«Газету», дополнив ее сообщениями о
и его провале.

**ВИЦЕ-МЭР,
ПРЕМЬЕР ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ
ЮРИЙ ЛУЖКОВ**

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны.

Каковы бы причинами не оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правами, реакционным, антиконституционным переворотом.

При всех трудностях и тяжелых испытаниях, переживаемых народом, демократический процесс в стране приобретает все более глубокий размах, необратимый характер. Народы России становятся хозяевами своей судьбы. Существенно ограничены бесконтрольные права неконституционных органов, включая партийные. Руководство России заняло решительную позицию по Советскому договору, стремясь к единству Советского Союза, единству России. Назрела острая потребность ускорить подготовку этого Договора, согласовать его со всеми республиками и определить дату его подписания - 20 августа с.г.

Такое развитие ^{события} вызвало озлобление реакционных сил, толкало их на безответственные, авантюристические попытки решения глубоких политических и экономических проблем силовыми методами. Ранее уже предпринимались попытки осуществления переворота.

Мы считали и считаем, что такие силовые методы неприемлемы. Они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе холодной войны и изоляции Советского Союза от мирового сообщества.

Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета.

Уверены, органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным Законам и Указам Президента РСФСР.

Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию. Безусловно необходимо обеспечить возможность Президенту страны ГОРБАЧЕВУ выступить перед народом. Требуем немедленного созыва чрезвычайного съезда народных депутатов СССР.

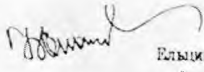
Мы абсолютно уверены, что наши соотечественники не дадут утвердиться произволу и беззаконию потерпевших всякий стыд и совесть путчистов. Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участия в реакционном перевороте.

До выполнения этих требований призываем к всеобщей бессрочной забастовке.

Не сомневаемся, что мировое сообщество даст объективную оценку

подобной попытке правого переворота.

Президент РСФСР

Ельцин Б.Н.

Председатель СМ
РСФСР

Силин И.С.

И.О. Председателя
Верховного Совета РСФСР

Касбулатов Р.И.